

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРАЗА ГЕРМАНСКОГО МИРА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АРХАНГЕЛЬСКИХ ПОМОРОВ

Елена Львовна Березович

Уральский федеральный университет
51 пр. Ленина, Екатеринбург, Россия
berezovich@yandex.ru

А н н о т а ц и я: Статья представляет этнолингвистическое исследование, в рамках которого воссоздается образ германского мира глазами жителей берегов Белого моря. Этот образ формировался на протяжении столетий благодаря интенсивным русско-германским контактам в Беломорье: военным кампаниям (языковые следы, к примеру, оставили войны со Швецией Петровской эпохи и иностранная интервенция во время Гражданской войны) и теснейшим торговым и культурным связям, издревле налаженным между русскими поморами и скандинавами. Реконструировать этот образ позволяет анализ севернорусских диалектных нарицательных слов и имен собственных, образованных от «германских» этнонимов и топонимов, а также анализ вторичных этнонимов (этнических кличек), обозначающих представителей германских народов. Важнейшим источником материала служат неопубликованные данные из картотек Топонимической экспедиции Уральского университета и Архангельского областного словаря. Преимущественно речь идет о лексике трех тематических групп: «Географическое пространство» (где характеризуется восприятие пространства поморами как *русского* в противопоставление *немецкому* / *шведскому* / *норвежскому*, затронуты примеры адаптации ими германской топонимии и др.), «Человек» (здесь анализируются обозначения представителей германских народов, употребляющиеся в речи поморов, а также семантические дериваты этнонимов *швед*, *норвежец* и др., характеризующие человека), «Материальная культура» (в ней представлены названия бытовых реалий: одежды, инструментов, элементов жилища и др., ср. *датский платок*, *шведский топор*, *норвежская прялка*, — являющихся германскими или воспринимаемых как таковые). Отдельно рассматриваются факты ксенономинии, т.е. лексические единицы, реализующие обобщенные представления о чуждости того или иного объекта действительности. Комплексное изучение блока лексики и фразеологии, имеющей во внутренней форме или семантике указание на «германскость», позволяет автору предложить и обосновать этимологические решения для ряда слов (например, *бишка* 'сухое печенье', *варежка*). Статья содержит наблюдения автора над механизмами взаимодействия реальной истории, устных рассказов и языковых фактов; в ней выявляются общие черты в образах представителя германского мира и другого «чужака» в языковом сознании жителей Русского Севера.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этнолингвистика, ономастика, диалектная лексика, мотивационная реконструкция, этнонимы, ксенонимы, архангельские говоры, Белое море, Русский Север, русско-германские связи.

Б л а г о д а р н о с т и: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

Д л я с с ы л о к: Березович Е. К реконструкции образа германского мира в языковом сознании архангельских поморов // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 174–212.

d o i: 10.31250/1815-8870-2019-15-42-174-212

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/042/berezovich.pdf>

RECONSTRUCTING THE IMAGE OF THE GERMAN WORLD IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF ARKHANGELSK POMORS

Elena L. Berezovich

Ural Federal University
51 Lenin Ave., Yekaterinburg, Russia
berezovich@yandex.ru

A b s t r a c t: The article presents an ethnolinguistic study which recreates the image of the German world through the eyes of the White Sea coast inhabitants. This image was formed over the centuries due to the intensive Russian-German contacts in the White Sea area, such as military campaigns (language traces, for example, were left by the war with Sweden during Peter the Great's time and by foreign interventions during the Civil war) and the closest trade and cultural relations established between the Russian Pomors and Scandinavians since ancient times. To reconstruct this image, the author analyses the North Russian dialect's common words and proper names derived from "German" ethnonyms and toponyms, as well as secondary ethnonyms (ethnic nicknames) denoting the representatives of the German peoples. An important source of material is unpublished data from the databases of the Toponymic Expedition of the Ural University and the Arkhangelsk Region Dictionary. Primarily, the present work investigates the vocabulary of three thematic groups: "Geographical space" (which characterizes the Pomors' perception of space as *Russian* in opposition to *German* / *Swedish* / *Norwegian*, gives examples of the Pomors' adoption of the German toponymy, etc.), "Man" (where designations of the representatives of the German peoples used in the Pomors' speech, as well as semantic derivatives from the ethnonyms *Swedish*, *Norwegian*, etc., are analyzed), "Material culture" (listing the names of everyday realities (clothes, tools, dwellings, etc., such as *Danish headscarf*, *Swedish axe*, *Norwegian spinning wheel*) as being German or being perceived as German).

The article also considers the facts of xeno-nomination, i.e. lexical units that implement generalized ideas about the otherness of an object of reality. A comprehensive study of a block of vocabulary and phraseology containing an indication of “Germanic” in the internal form or semantics allows the author to propose and justify etymological solutions for a number of words (for example, *bishka* ‘dry cookies,’ *varezhi* ‘mittens’). The article contains the author’s observations on the mechanisms of interaction between real history, oral stories and linguistic facts; it reveals common features in the images of the representative of the German world and other “strangers” in the linguistic consciousness of the inhabitants of the Russian North.

Keywords: ethnolinguistics, onomastics, dialect vocabulary, motivational reconstruction, ethnonyms, xenonyms, Arkhangelsk dialects, White Sea, Russian North, Russian-German relations.

Acknowledgements: This work is supported by the Russian Science Foundation (project 17-18-01351 “Contact and Genetic Ties of North-Russian Vocabulary and Onomastics”).

To cite: Berezovich E., ‘K rekonstruktsii obraza germanskogo mira v yazykovom soznanii arkhangel'skikh pomorov’ [Reconstructing the Image of the German World in the Language Consciousness of Arkhangelsk Pomors], *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 42, pp. 174–212.

doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-42-174-212

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/042/berezovich.pdf>

Елена Березович

К реконструкции образа германского мира в языковом сознании архангельских поморов

Статья представляет этнолингвистическое исследование, в рамках которого воссоздается образ германского мира глазами жителей берегов Белого моря. Этот образ формировался на протяжении столетий благодаря интенсивным русско-германским контактам в Беломорье: военным кампаниям (языковые следы, к примеру, оставили войны со Швецией Петровской эпохи и иностранная интервенция во время Гражданской войны) и теснейшим торговым и культурным связям, издревле налаженным между русскими поморами и скандинавами. Реконструировать этот образ позволяет анализ севернорусских диалектных нарицательных слов и имен собственных, образованных от «германских» этнонимов и топонимов, а также анализ вторичных этнонимов (этнических кличек), обозначающих представителей германских народов. Важнейшим источником материала служат неопубликованные данные из картотек Топонимической экспедиции Уральского университета и Архангельского областного словаря. Преимущественно речь идет о лексике трех тематических групп: «Географическое пространство» (где характеризуется восприятие пространства поморами как *русского* в противопоставление *немецкому / шведскому / норвежскому*, затронуты примеры адаптации ими германской топонимии и др.), «Человек» (здесь анализируются обозначения представителей германских народов, употребляющиеся в речи поморов, а также семантические дериваты этнонимов *швед*, *норвежец* и др., характеризующие человека), «Материальная культура» (в ней представлены названия бытовых реалий: одежды, инструментов, элементов жилища и др., ср. *датский платок*, *шведский топор*, *норвежская прялка*, — являющихся германскими или воспринимаемых как таковые). Отдельно рассматриваются факты ксенономинии, т.е. лексические единицы, реализующие обобщенные представления о чуждости того или иного объекта действительности. Комплексное изучение блока лексики и фразеологии, имеющей во внутренней форме или семантике указание на «германскость», позволяет автору предложить и обосновать этимологические решения для ряда слов (например, *бишка* 'сухое печенье', *варежка*). Статья содержит наблюдения автора над механизмами взаимодействия реальной истории, устных рассказов и языковых фактов; в ней выявляются общие черты в образах представителя германского мира и другого «чужака» в языковом сознании жителей Русского Севера.

Ключевые слова: этнолингвистика, ономастика, диалектная лексика, мотивационная реконструкция, этнонимы, ксенонимы, архангельские говоры, Белое море, Русский Север, русско-германские связи.

Отец в Норвегу ходил, цела книга была бы о нас,
а писатели бы раскрасили.

(Терский берег Белого моря) [СРГК 1: 274]

На «карте мира», существующей в культурном и языковом сознании беломорских крестьян, большую роль традиционно играли германские земли и народы. В этом отношении Беломорье уникально среди других регионов России, поскольку здесь, на пограничье с зарубежной Северной Европой, русско-германские контакты на протяжении многих веков были особенно интенсивными, включая в себя как жесткое вооруженное противостояние¹, так и «мягкие» торговые,

Елена Львовна Березович
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
berezovich@yandex.ru

¹ Народная традиция отреагировала на эти события множеством свидетельств. Коль скоро данная статья основана на лингвистических данных, приведем несколько примеров из иллюстративного материала к словарным статьям диалектных словарей и картотек, которые пока недостаточно используются как источник oral history: «Шведы были, да потом агличяна были, фсё войны одны, только одны войны переживали» (Прим, Ненокса) [КАОС]; «Со шведами война была у прадедов, от шведов могилы остались, в сторону Корелы шведские могилы-то» (Онеж, Онега); «Как агличянка

производственные, культурные связи. О русско-германских контактах в Беломорье много писали беллетристы, этнографы, историки, несколько меньше — лингвисты (ср. хотя бы огромную литературу по «норманнскому вопросу», неминуемо затрагивающую эти контакты и включающую в себя дискуссию о скандинавском происхождении слова *Русь*). Проблематика статьи связана с диалектологической (ономастической) и этнолингвистической стороной вопроса, которая, кажется, изучена меньше всего. Краткий очерк русско-западноевропейских (в том числе германских) связей на территории Беломорья (и Русского Севера в целом) в проекции на историю русских говоров этой зоны представлен, например, в [Ивашова 1999: 11–18].

Речь пойдет не столько о русских диалектизмах германского происхождения (о них будет сказано кратко), сколько о нарицательных словах и именах собственных, характеризующих германский мир и имеющих преимущественно оттопонимическое и отэтнонимическое происхождение, а также о вторичных этнонимах (этнических кличках), обозначающих представителей германских народов. Этот материал выбран для анализа потому, что он имеет непосредственный маркер «германскости» в самой внутренней форме слов (как проприальных, так и апеллятивных) и, таким образом, может считаться ядром той условной лексической группы, которая содержит отсылку к «германскому» на разных «этажах» своей семантики. Безусловно, мы не можем в одной статье охватить лексические данные по всему Беломорью. Акцент делается преимущественно на полевом материале, записанном в Архангельском Беломорье — в Онежском, Приморском и Мезенском районах (данные по другим беломорским говорам тоже привлекаются к анализу, пусть более выборочно), при этом особое внимание уделяется неопубликованным материалам Топонимической экспедиции (ТЭ) Уральского университета (антропонимия, топонимия, нарицательная диалектная лексика) и данным из картотеки Архангельского областного словаря. Используются и опубликованные словари, включающие в свой состав лексику Беломорья и прилегающих территорий [Подвысоцкий 1885; Куликовский 1898; Меркурьев 1979; Мосеев 2005; Мызников 2010;

была, палила дак. Фсё аглицянка сожгалá. Приходила англичанка, хотела сожыгать Солофки. Доселе, бывало, нашу фсю деревню аглицянка ростреляла. Досель фся деревня сожжона была, аглицянка ростреляла» (Прим, Пушлахта) [АОС 1: 63]; «Песен вам мой напоё, так заунывые берё, германцы побии его, да всего было» (Плес) [СРГК 2: 227]; «Ета деревня-та вот наша-ка. Англичане её зажгли, дак фсех короф-то зазабирали, мавёрно, да овёць, скота-то: кораблём пришли. Ну, а нарот убежали: дак пушки палят» (Тер, Стрельна) [Меркурьев 1979: 11] и мн. др. Такие контексты нуждаются в отдельном изучении. Они могли бы пополнить сборники преданий вроде [Северные предания 1978] и стать объектом изучения фольклористов, рассматривавших особенности народной рецепции истории Беломорья (см., например: [Дранникова 2015]).

Дуров 2011; АОС; СГРС; СРГК]. Материалы ТЭ приводятся нами без паспортизации (только с указанием на административный район и населенный пункт, где записан лексический факт).

Языковые контакты русских поморов с германскими народами (особенно норвежцами) были настолько интенсивны, что существовал даже, как известно, пиджин *руссенорск*, насчитывавший около 400 слов (о нем см.: [Брок 1992]). Замечательные тексты, содержащие норвежские вкрапления, представлены в знаменитой книге С.В. Максимова «Год на Севере»: «Вот пришел ты к нему и сказываешь ему по-ихнему: Куфман! Кюфт, мол, планка! Купи доски!.. Надо ему — он тебе сейчас ответ дает: О есть кюфт — надо, мол... Ват прейс? — цена-де какая? Тут хочешь деньги — на деньги сказывай. Больше же, правда, на мену идет: “ват вара фор юр” — товар на товар по-нашему: фишку берем — треску значит, салът — соль, торфиш — сухую треску, рофиш — сырую, салътфиш — соленую, искинвары — меха берем, решнинвары — лисиц покупаем» [Максимов 1987, I: 299–300]. Некоторые слова, входившие в пиджин, закрепились в русских говорах Беломорья, ср., к примеру, арх. слово *кѹхман* ‘богач’, ‘купец’ [СРНГ 16: 183], которое фигурировало в приведенном выше русско-норвежском диалоге.

Если лексика пиджина в основной своей массе имеет достаточно жесткие хронологические рамки и преходяща, то более устойчивы и распространены во времени и пространстве собственно германские заимствования в беломорские говоры — немецкие, норвежские, шведские, голландские, английские (в некоторых случаях определяется один германский язык-источник, а в других — несколько). Наиболее полно (но явно не исчерпывающе) они собраны в кандидатской диссертации Н.М. Ивашовой [Ивашова 1999: 24–130]¹. Эта работа выполнена на материале говоров Русского Севера в целом, но из представленных в ней данных следует, что германские заимствования (особенно те, что не опосредованы литературным языком) преобладают именно в речи поморов. Среди них главным образом терминология рыбной ловли, промысла морского зверя, кораблестроения и мореплавания, столярного дела.

¹ Некоторые работы с новыми данными о германских заимствованиях в говорах Русского Севера появились после диссертации Н.М. Ивашовой. К ним относятся, например, статьи о слове *вандыш*, которое обозначает мелкую рыбку (снетка) [Tenhagen 2000] и о лексеме *леваш* ‘сухая тонкая лепешка’ [Лутовинова 2015]. Значима в аспекте обсуждаемой проблематики книга И.С. Кошкина [2008], хотя приведенный там материал большей частью не является диалектным. Есть и более ранние труды, не учтенные у Н.М. Ивашовой (см., например: [Коп 1910]). Самая полная библиография работ, содержащих сведения о германских заимствованиях в восточнославянских языках (в том числе в говорах), — [BDL] (однако она не включает как раз труды Н.М. Ивашовой). Ряд методических вопросов поставлен в [Кожина, Щербач 2005] и др.

Вот некоторые примеры: *буксы*, *пуксы* ‘непромокаемые рыбацкие штаны’ < норв. *bukse* ‘брюки, штаны’, *нот* ‘кошельковая сеть для ловли сайды’ < швед., норв. *not* ‘кошельковый невод’, *фа́лец* ‘паз, выемка в раме, куда вставляются края стекла’ < нем. *Falz* ‘то же’, *бейшлот* (*бишлот*) ‘канава, прорываемая для осушения дороги; водосточная канава’ < голл. *bijlsloot* ‘дорожная канава, кювет’, *клип* ‘подводный камень в море’ < голл. *klip* ‘утес’, *дрифтер* (*дрифтер*) ‘траловая сеть для ловли сельди; судно с таким тралом’ < англ. *drifter* ‘рыболовное судно’, *ша́рка* ‘беломорский вид акулы’ < англ. *shark* ‘акула’, *кле́вер* ‘кливер, один из передних треугольных парусов’ < голл. *kluiver*, ниж.-нем. *Klüver* ‘то же’ [Ивашова 1999: 27–28, 36, 59, 71, 82, 94, 116–117] и др.

Наши полевые исследования помогли обнаружить еще несколько диалектизмов, которые не отмечены в работе Н.М. Ивашовой, но являются, скорее всего, германскими заимствованиями. Среди них большой интерес представляет слово, которое не относится к традиционным терминологическим сферам заимствований: *би́шка* (обычно в форме мн. ч. *би́шки*) — ‘печенье (обычное сухое)’, ‘галета’. Оно и раньше фиксировалось словарями, но было этимологически темным. Новые материалы помогают верно расставить акценты при его интерпретации. Вот словарные данные: «Бишки — говорили так раньше, а шас всё печенье боле» (Пин, Пильегоры), «Бишки совсем несладкие, с белого теста сделаны, твердые такие» (Онеж) [СГРС 1: 116–117; СРГК 1: 74; АОС 2: 28]. Согласно указанным словарям, лексема отмечена в Архангельском Поморье, Подвинье и в Пинежье (Вин, В-Т, Онеж, Пин, Прим, Холм, Шенк).

В [Аникин РЭС 3: 219] предлагаются две версии происхождения этого слова: по одной, его можно сопоставить с твер. *ба́шки* ‘небольшие комочки теста, запеченные в масле; пекутся в вербное воскресенье’; по другой, с арх. *би́шка* ‘надкопытный сустав у животных’; обе версии подаются как недостаточно надежные (со знаком «?»).

Думается, что в семантическом, фонетическом и лингвогеографическом отношениях более надежна предлагаемая нами версия, допускающая заимствование (с последующей адаптацией) из англ. *biscuit*, *bisque* ‘сухое печенье’. Таким образом, *би́шка* оказывается дальней родственницей литер. *бисквит*, которое проникло в русский язык из французского [Аникин РЭС 3: 204–205]. Очевидно, это заимствование является относительно свежим: обсуждаемое слово не встречается в словарях XIX в., которые фиксируют архангельскую (в том числе поморскую) лексику. На время и источник заимствования недвусмысленно указывают высказывания информантов: «Американцы у нас

на Мечке были, шоколатом нас кормили, бишками, вкусное тако печенье» (Прим, Кузьмино) [СГРС 1: 116–117]; «Вот нонь галеты, а были бишки во время войны, американски. Такие же, как галеты» (Онеж) [СРГК 1: 74]; «Маленькая я была, к нам англичане приехали, интервенты. Всё говорили нам: “Кам он”. Вот и прозвали их каманами. Каманы нам, ребятам, часто эти бишки предлагали» (Вин, Рязановская) [СГРС 5: 44]; «Бишку детям давали, бишки из пайков были интервентов» (Онеж, Ворзогоры), «Интервенты английские в деревни к нам заходили, давали детям бишки» (Онеж, Ворзогоры), «Англичане, американцы ходили, бишки у них были, бишки для детей» (Онеж, Ворзогоры). Эти свидетельства, думается, вполне надежны, они записаны в разных районах и в разное время, с разбросом как минимум в 30 лет. Даже в тех случаях, когда в контекстах нет указаний на иностранцев, чувствуется, что *бишка* — не «домашнее» изделие, а привозное: «Только этими бишками завалили из города» (Пин, Пильегоры) [СГРС 1: 116], «Молоко давали, муку, бишки белыё-то» (Онеж, Клещево) [АОС 2: 28]. Дополнительные аргументы: *бишка* не фиксируется, кажется, нигде, кроме архангельских говорков — зоны русско-германских контактов; английский альвеолярный [s] вполне может быть воспринят на русской почве как [sh], а кроме того, русскому языку (как и другим славянским) известны формы слова *бисквит* с *ш* (типа *бишкот*), что может указывать и на немецкое посредство [Аникин РЭС 3: 204–205]. Подтверждение этой версии было обнаружено нами в рассказе Б. Шергина «Ваня датский» — при изображении визита «заморского» судна в Архангельск: «Не поспеет норвежское судёнышко кинуть якорь, Иванушка является с визитом, спросит: по-здорову ли шли? Его угощают солёными *бишками* — бисквитами, рассказывают про дальние страны». К сожалению, диалектизмы из текстов Шергина еще не стали в должной мере достоянием словарей.

Особо следует прокомментировать случаи, когда *языковое сознание диалектоносителей осознает «германскость»* тех или иных слов — имен нарицательных или собственных. Такое осознание может быть основано как на верных догадках, так и на ложных. Вот что говорит о словах, представляющихся ему «германскими», помор А.П. Слепинин: «У норвегов и русских жизнь с морем связана. Обращались друг с другом. Знали слова какие-то. Вот морские одёжки — *рокан*, *буксы* — это от норвегов слова. Слово *зюйдвестка* тоже. Это норвежские слова. *Шняка* — норвежское слово. *Шхуна* из Голландии. *Ёла* тоже от норвегов. Всё мурманское снаряжение — всё от норвегов. *Трал* от голландцев. *Кибасы* — стеклянные шары с воздухом, чтоб сетка не тонула. Они вместо плава. Это норвежское

слово»¹ (Онеж, Ворзогоры). Встречаются в речи поморов и случаи метатопонимической рефлексии с германским «уклоном»: «Нёнокса речька, имя тожэ даннойе норвегами», «Норвеги Нёноксу зделали, и назвали по-своему», «Ненокса ведь давнишняя деревня, здесь норвеги были, шведы» (С-Двин, Ненокса)² [КАОС].

От фактов, являющихся (или кажущихся) германскими по происхождению, перейдем к тем словам и выражениям, которые *характеризуют германские земли и народы*. Как говорилось выше, здесь наше внимание будет преимущественно обращено к оттопонимическим и отэтнотонимическим дериватам и фразеологизмам, включающим в свой состав этнонимы или топонимы. Эти характеристики представлены главным образом в трех тематических группах: *Географическое пространство, Человек, Материальная культура*. За пределами тематических сфер — факты *ксенономинации*, т.е. лексические единицы, реализующие обобщенные представления о чуждости того или иного объекта действительности.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО. Пространственный горизонт поморов, в сравнении с материковыми крестьянами, характеризовался, разумеется, большей широтой. Поморы скептически относились к тем, кто выходил в море преимущественно у дома, ср. ругательно-насмешливое прозвище *кандалацкая морда*, «которым бывавшие в дальних плаваниях поморы обзывают жителей Кандалакши в Кемском уезде при Кандалакском заливе Белого моря, — так как они далее своего залива редко промышляют» [Подвысоцкий 1885: 62]. Моряки стремились использовать макроориентиры, к которым могли номинативно привязываться даже близкие к дому объекты, что нетипично в целом для «материковой» севернорусской топонимии³.

Эти *макроориентиры*, делящие пространство на два полюса — *русский и германский*, выражены в первую очередь в следующей оппозиции: *в Немецкую (Шведскую) сторону, в низ* («так выражают поморы направление своего пути, идучи Северным

¹ Надо отметить, что информант довольно хорошо чувствует «германскость» слов, допустив ошибку по сути только при атрибуции слова *кибас*, которое имеет прибалтийско-финские истоки [Фасмер 2: 229]. В остальных случаях можно уточнять язык, ставший источником заимствований, но их германский характер определен верно.

² В Неноксе записано множество подобных контекстов. Это объясняется, по всей видимости, хорошей сохранностью преданий, осмысляющих реальные исторические события вроде нападения шведов из Лапландии на Неноксу в 1445 г. (ср. знаменитый летописный фрагмент: «Неноксу во-евали и пожгоша и людей иссекоша, а иных в полон поведоша»).

³ В логике смысловой организации «материковой» топонимии проявляется скорее ограниченность пространственного горизонта и дробность восприятия пространства, см.: [Березович 2009: 192–193].

океаном в Норвегию или на Новую Землю») — *в Русскую сторону, в Русь* («когда поморы возвращаются океаном из Норвегии или с Новой Земли, то говорят, что идут *в верх, в Русь*») [Подвысоцкий 1885: 24]; ср. контексты типа «Шалонник с немецкой стороны дует, шалонник на море разбойник» (Онеж) [СРГК 6: 856]¹. «Горизонтальные» координаты понятны, а что касается «вертикальных» (т.е. пары *низ — верх*), то они, вероятно, объясняются тем, что *Русь* (своя — «домашняя» — земля, материк) понимается поморами как *гора* (в противопоставлении *мору*): «Всю жись между морем и горой» (Прим, Красная Гора) [СГРС 3: 97]. Это связано с особенностями морского зрения, высматривающего в *голомени* родной берег: «Всплыват гора-то? — Нет, не всплыват» (Прим, Яреньга) [СГРС 3: 97]. Оппозиция *русский — немецкий (шведский)* в поморской топонимии означает, по сути, «ближний к дому — отдаленный»², ср. пару островов *Русский Кузов — Немецкий Кузов* в составе беломорских Кемских шхер: один находится ближе к «домашнему» берегу, другой — дальше.

В оппозицию *русский — немецкий (шведский)* вступает и локатив *норвежский*, что определяет и появление соответствующих топонимических микросистем, ср. бином *Русской — Норвежской Поп*: «Так называют мурманские промышленники два больших камня, подымающихся из океана у входа в Гаврилово Становище, один с правой стороны — *Норвежской Поп*, а другой с левой — *Русской Поп*. Приходя ранней весной на становище, промышленники замечают, который поп *одет в колтак*, т.е. покрыт на вершине снегом: если *Русской* — то промыслы будут удачнее у *Русского берега*, а если *Норвежской* — то у *Норвежского*» [Подвысоцкий 1885: 132]³. Если в случае с *Русским и Норвежским берегом* семантика *русского* определяется реальной русско-норвежской границей (ср. *Русской берег* 'Мурманский берег, в отличие от принадлежащей Норвегии дальнейшей его части' [Подвысоцкий 1885: 150], 'северное побережье Коль-

¹ В лоции Белого моря 1930 г., составленной крестьянами-поморами, встречаются также такие координаты, как *Немецкий конец — Русская сторона* [Михайлова 2018: 140].

² Ср. свидетельство С.В. Попова: «Понятие 'немецкий' в Беломорье означало западный, 'русский' — более восточный» [Полов 1991: 52].

³ Разумеется, тополексемы *немецкий, шведский* и т.п. могут выражать и другие смыслы. Есть случаи, когда эти определения, фигурируя в составе топонима, отражают реальный исторический факт пребывания (проживания) в том или ином месте представителей германских народов. Скажем, знаменитая *Немецкая Слобода* в Архангельске (так же, как места с аналогичными названиями в Москве и Петербурге или улица *Английская* в Петрозаводске) была местом проживания западноевропейских «гостей» и «специалистов». В ряде случаев этнопонимы имеют «легендарные» мотивировки. Так, *Немецкая Щелья* в Беломорском районе Карелии, по легенде, названа так потому, что в этом месте щелья (скала) упала на шведов, деливших в лесу награбленное у поморов имущество: скала накрыла врагов, от которых осталась только одна торчащая нога в сапоге, которая закаменела [Северные предания 1978: 100–101].

ского полуострова' [Меркурьев 1979: 126]), то в ряде других случаев *русское* понимается как принадлежащее материку, «большой земле»¹, ср. *Россия, Русия* 'область за пределами Кольского полуострова, более южная местность' [Меркурьев 1979: 125]. Замечательно то, что в одном и том же районе Архангельской области (например, Онежском) семантика деонимизированного слова *русь* меняется в зависимости от того, в какой части района находится наблюдатель (говорящий). Так, в говоре Ворзогор, находящихся на самом берегу Белого моря, выражение *выйти на русь* означает 'возвращаясь из открытого моря, подойти ближе к жилью', а в говоре Большого Бора, удаленного от моря на несколько десятков километров, это же выражение значит 'выйти из леса на открытое, светлое место'. Вот что говорит об этом информант из Большого Бора: «Мы-то на суше живем, у нас с морскими *русь* разная. Для нас это не лес, для них — не море»².

Соответственно арх., мурман. *русский ветер, ветер с Руси* — тот, что дует с юга (юго-востока), с материка, с *горы* [КСГРС; Подвысоцкий 1885: 85; Меркурьев 1979: 126]. Этот ветер может нести *русский шторм* (Прим).

Символическая дублетность маркеров *шведский* = *немецкий* диктуется не только тем, что они выражают представления об отдаленных северо-западных землях, но и свойственным народной фольклорной традиции неразличением (вследствие генерализации) «заморского», «чужого», ср. фрагмент лирической песни из сборника А. Соболевского: «Как по улице по Шведской, / В слободе было Немецкой / Молодой сержант гуляет»³.

Специфический для поморов «пуант» в видении географического пространства состоит также в том, что в нем прочерчиваются линии миграции рыбы, особенно самой ценной и «знаковой» — семги. Поморы хорошо знают, откуда приплыла к ним на нерест рыба, и это знание тоже может оформляться в виде пространственных оппозиций, где указываются разные точки маршрута рыб, ср. оппозицию *норвежский* — *онежский*: «Норвежскую сёмгу здесь называют онешская сёмга: йей в Онеге самый лучший корм» (Онеж, Турчасово) [КАОС].

Сведения о географии германских земель в языковом сознании поморов проявляются также на уровне *контекстной семантики*.

¹ Такая релятивность (дейктичность) семантики русского проявляется не только в Беломорье, но и в других пограничных районах России, см.: [Березович 2014: 113–114].

² Другие архангельские контексты см.: [Березович 2014: 91].

³ <<http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/so2/so23310-.htm>>.

Наиболее определенно при этом рисуется Норвегия, которая весьма устойчиво воспринимается как страна за «поворотом» моря: «Фсе к норвегам идёт, море веть туда поворачивайеца» (С-Двин, Ненокса), «Море завернёца, а на той стороне у нас фины, норвеги наш лес ловят» (Там же) [КАОС], «Норвега от нас недалеко, у нас таможня была в Ворзогорах. Норвега за поворотом моря» (Онеж, Ворзогоры).

Отдельная тема, на которой мы не можем детально остановиться в этой статье, — *поморская адаптация германской топонимии*. Благодаря такой адаптации формировалось своего рода параллельное (по отношению к собственно германским названиям) номинативное пространство. Его создавали, во-первых, преобразованные поморами (обычно на народно-этимологической основе) формы топонимов, употреблявшихся в речи представителей германских народов (например, *Васин* 'так называют поморы норвежский город *Badzэ <Vadsö>* при Северном океане' [Подвысоцкий 1885: 15], *Vardö* — *Варгаев*, *Kiberg* — *Под Биркой* [Бернштам 1978: 116]); во-вторых, кальки и полукальки, в том числе ложные (*Laksfiord* — *Угольная Губа*, *Tanaifiord* — *Танькина Губа* [Бернштам 1978: 116]); в-третьих, поморские имена для географических реалий, имевших в германоязычных топонимических системах другие обозначения (самый известный пример — остров *Груман*, *Грумант*, стар. *Груланд* и др. — поморское имя *Шпицбергена*, которое свидетельствовало о том, что поморы XVI–XVII вв. принимали его за продолжение Гренландии, подробнее см.: [Ивашова 1999: 29]). «Эксклюзивный» способ маркировки чужого пространства с помощью топонимии — образование оттопонимических имен для «демонов места», поселяемых народным сознанием в опасные локусы. Такой *genius loci* (по-местному *сотán*) — *Ванька Нордкапский*, былички о котором записаны на Мурманском берегу Кольского полуострова: «Мурман — это что! <говорят поморы>. У Нордкапа качает так качает! Не всегда, но почти всегда. Ванька Нордкапский не любит нас» [Мифологические рассказы 2015: 208]. Эта редчайшая модель оттопонимического именования нечистой силы показательна для поморов, которым присуща уникальная детализированность топонимического освоения пространства¹. Таким образом, изучение особенно-

¹ Интересно, что в Онежском Поморье есть еще один подобный демоним: лешего, проживающего, по поверьям, в окрестностях деревень Верховье, Мудьюга, Пянтино, Усолье и др., именуют *хемербаским*: «Мужчина шел по дороге и встретил хемеровского, он с палочкой любил ходить, сказал он мужику, что скоро война и он умрет, так и случилось» (Онеж, Анциферовский Бор). Многие информанты уже не знают причин появления названия, поскольку ими забыта производящая основа — название урочища *Хемерово*, ср.: «Хемерово было между Верховьем и Мудьюгой, страшное место, там, говорили, хемеровский водит» (Онеж, Большой Бор). Уникальность таких лексических единиц ощутима на фоне того, что ранее на Русском Севере нами было отмечено всего три подобных факта (ср. имена демонов *патромиха*, *чудница*, *коленьга* [Березович 2007: 207]).

стей поморской интерпретации германской топонимии могло бы много дать для воссоздания картины русско-германских контактов в Беломорье, но это тема отдельного исследования.

ЧЕЛОВЕК. Лексические факты, которые будут комментировать-ся в рамках этого раздела, делятся на две группы: 1) собственно обозначения представителей германских народов, употребляющиеся в речи поморов; 2) семантические дериваты базовых этнонимов (*швед, норвежец* и др.), характеризующие человека.

1. **ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГЕРМАНСКИХ НАРОДОВ.** Сначала следует назвать те группы лексических единиц, которые являются вариантами базовых «германских» этнонимов, существующих в современном русском языке. Будут перечислены не только собственно обозначения германцев, но и близкие факты, номинативно с ними связанные (обобщенные именованья инородцев и именованья других (негерманских) чужаков):

- словообразовательные варианты известных этнонимов: *норвэг, норвэга, норвэжин, норвэж* и др. [КАОС; КСГРС];
- семантические варианты, возникающие в результате смыслового сдвига или генерализации значения: мурман. *швед* ‘норвежец, финн’¹: «В Коле норвежцев, как и финляндцев, называют шведами» [Михайлов 1868: 64], карел. *шведы* ‘карелы и финны’ (Пудож) [КСРНГ], карел. *швед* ‘иноземец’ (Кем) [СРГК 6: 849], *немец* арх. ‘иностранец (преимущественно из Западной Европы)’ (Мез, Онеж, Прим) [КАОС; КСГРС], карел. ‘швед’ [Северные предания 1978: 100], арх. *варяжá* ‘заморец, иноземец’ [Даль 1: 16] и др.;
- результаты народно-этимологической аттракции: арх. *нэмка* ‘ненка’ (Мез) [КСГРС].

Наиболее интересны для нас вторичные (прозвищные) этнонимы. Среди них, к примеру, слово *камана́* ‘англичане и американцы, которые воевали в составе войск Антанты’: «От бабки слышал, ходили у нас камана, заходили в деревни. Враги, но какие и добрые были, не все злые» (Онеж, Большой Бор). Эта же лексема отмечена нашей экспедицией (также в формах *кома́ны, камáнки*) в других поморских районах — Мезенском и Приморском — и далее в Подвинье (Холмогорский и Виноградовский районы): «Камана к нам с моря шли, деды их знали» (Мез, Мезень), «Команы — это англичане, местность завоёвывали» (Вин, Тугаринская), «Каманы в Кургомени были, ночью делали обстрел» (Вин, Шидрово), «Каманы тут были, каманские пуговицы находили, костьё да» (Вин, Верхняя Кица) и др.

¹ Ср. также олон. *Шведчина* ‘Финляндия’ [КСРНГ].

[СГРС 5: 44, 286]. Память о каманах отражена и в индивидуальных прозвищах: *Комáнко* — «Предки комане были, англичане» (Холм, Зачачье), *Комáн* — житель д. Старое Стражково (Прим), *Камáн* — житель д. Дылевская (Шенк). По мнению информантов, это слово образовано либо от английского *come on* («Каманками англичан зовут. У них есть слово такое — *кам он* ‘проходи’. Они мулов погоняли, часовые стояли, задерживаться нельзя было» (Вин, Артемовская) [СГРС 5: 44]), либо от искаженного *канадец* («Надо “канадцы”, а мы “каманы” зовём. Каманы в Гражданскую у нас высаживались» (Вин, Максимовская) [СГРС 5: 44]). Думается, более реалистична первая версия, в которой отражена типичная для прозвищных этнонимов модель номинации по распространенному слову в речи иностранцев (см. об этом: [Березович 2007: 121–122]). Такой же природы поморское слово *асейка* ‘англичанин или американец’: «Асейки повсюду теперь, язык ихний всюду учат. Слово это в городах я слышала, в Онеге да в Архангельске» (Онеж, Онега), ср. *асей* — ‘архангельское шутовое название моряка-иностранца’: «Шляндат по улице вопьяной — истовённо асей» [Мосеев 2005: 306], ‘так называют судорабочие в Соломбальской гавани Архангельска устроенные близ гавани кухни для иностранных матросов (от англ. выражения: *I say* «эй, слышь ты», — которое часто слышат от английских матросов)’ [Подвысоцкий 1885: 2], ср. также другие значения этого слова: ‘иностранец, прибывший на корабле’, ‘иноземец, особенно англичанин’ < англ. *I say* «я говорю (= послушай)» [Ивашова 1999: 92–93]. Интересно, что англичане не остались в долгу и стали называть русских портовых рабочих и моряков *слишты* (от «слышь ты») [Ивашова 1999: 92–93]. Любопытно также слово *шмерц* ‘немец’: «Мы все больше с норвегами знали, а ближе к Кореле — там со шмерцами, с германцами-то. Это старинное слово, сейчас не говорят» (Онеж, Ворзогоры); ср. олон. *шмерц* ‘насмешливое прозвище немца’: «На семь шмерцев один русак!» [Куликовский 1898: 138], которое имеет пока не очень ясное в смысловом плане объяснение: из нем. *Schmerz* ‘скорбь, боль’, возможно, по созвучию немецкого слова с рус. *смерд* [Фасмер 4: 459].

Особо следует сказать об этнониме *мўрман* — арх. ‘житель норвежских берегов’ [СРНГ 18: 357; Даль 2: 360]. Происхождение этого слова объясняется так: «получено путем дистантной ассимиляции из др.-сканд. *Norðmaðr* ‘норвежец, норманн’, ср.-лат. *Nordmanni*» [Фасмер 3: 13]. В Житии Александра Невского упоминаются *мурманские нѣмци* — ‘северные народы, которые в союзе со свеянами воевали против русских’; в Лаврентьевской летописи — др.-рус. *урмане* ‘норвежцы’ [Фасмер 3: 13]. Таким образом, *мурман* — «северный человек» (как и *норманн*), при этом «мурманы (*мурмане*) ни на Кольском полу-

острове, ни на его берегах не жили, а появлялись здесь исключительно с целью грабежа со стороны Мурманского моря» [Минкин 1976]. Это слово, появившееся как этноним, затем стало источником семантико-словообразовательной деривации для топонимов: *Мурманский берег* — ‘часть побережья Северного Ледовитого океана (в Баренцевом море) от мыса Святой нос (у входа из Белого моря в Баренцево) до прежней границы Норвегии, а теперь¹ Финляндии. На всем этом пространстве, кроме небольших колоний по побережью океана, приютившихся между береговых скал, в долинах горных рек и озер, устроены становища, посещаемые весною и летом рыбаками-промышленниками из беломорских поморов’, *Мурманское море* (у новгородцев уже в XV в.) — ‘море, омывающее берега Норвегии и северные берега Терского наволока’ [Дуров 2011: 231]², *Мурман* — ‘Кольский полуостров; город Мурманск; Мурманский берег (северное побережье Кольского полуострова)’ [Меркурьев 1979: 79] и др.

Этноним *мурман*, отмечавшийся еще в XIX в., не фиксируется, кажется, в словарях поморской лексики XX—XXI вв. Ему на смену приходит слово *мурманщик* ‘помор, промысляющий в Северном Ледовитом океане, на Мурмане’ [Дуров 2011: 231], ‘рыбак, ловящий рыбу по Мурману, у Норвежского берега’: «Без всякой заботы буду спать, как мурманщик» (Беломор) [СРГК 3: 272]³. Это слово будто бы говорит о языковом «присвоении» этой территории поморами (перед нами уже не норвежец и не датчанин, а собственно помор), но есть и другие свидетельства, в которых отражены актуальные для языкового сознания поморов «варяжские» ассоциации слов с корнем *мурман-*: «Город у нас *Мурманск*, а первое его название — *Романов-на-Мурмане*. *Мурман*-то — норвежское слово, а *Романов* — русское» (Онеж, Ворзогоры). Подобные ассоциации отражены и в названиях реалий материального мира (см. далее).

2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ БАЗОВЫХ ЭТНОНИМОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА. Качества и черты «варягов» и особенности «варяжского мира» находят яркое отражение в семантико-словообразовательных образованиях от этнонимов (метафорических и метонимических), которые отмечаются как в нарицательной лексике, так и среди коллективных прозвищ.

¹ Словарь И.М. Дурова создавался в 1912–1932 гг.

² На карте Нейгебауэра (1612 г.) этому морю дается тройное название: *Мурманское* = *Норвежское* = *Датское* [Минкин 1976].

³ Слово *мурманщик* создано по той же мотивационной модели (специфической для поморов), что и, к примеру, арх. *грумалдн* ‘русский промышленник, плававший на *Грумант* (о-в Шпицберген) и зимовавший там’ [СРНГ 7: 169].

Характеристики человека, восходящие к самому слову *варяг*, которое является древнейшим скандинавским заимствованием [Аникин РЭС 6: 100–102], немногочисленны: в говоре Карельского Беломорья отмечено слово *варяж* ‘неопрятный человек’: «Мой-то зять таким хилотом не был, мой-то зять таким варяжем не ходил» (Кем) [СРГК 1: 164]; в Плесецком районе Архангельской области, граничащем с Онежским районом с юга, фиксируется прозвище *варяги*, называющее жителей куста деревень Майнема [Воронцова 2011: 51]. Интересно, что вне Беломорья производные от слова *варяг* встречаются чаще (например, сев.-кавк. *варяга* ‘пройдоха, мошенник’, волхов. *варяжски* ‘проворные, ловкие’ и др. [СРНГ 4: 64; Аникин РЭС 6: 100–103] и др.). Возможно, это связано с тем, что поморы, лучше всего знакомые с выходцами из германских земель, выбирали для номинации более определенные характеристики скандинавского мира, а слово *варяг* (в эпоху словарной фиксации русских народных говоров) имело уже генерализованное значение ‘выходец из Скандинавии’ → ‘чужеземец вообще’ и, по всей видимости, нередко подвергалось народно-этимологическому сближению со словом *враг*.

Высокой степенью пейоративности отличаются производные от слова *швед*: у мезенских поморов *шведка* ‘бойкая женщина, девочка; проныра’: «Чё шалишь-ти, от ты, шведка» (Мез, Заозерье) [КСГРС]¹, а глагол *шведить* ‘вызнавать, выслеживать’: «Шветка — котора фсё вызнават тожо, шветка. *Шведить* — вызнавать. Шведка — жэньщина обычно, мужыка никак нельзя назвать» (Мез, Бычье) [КАОС]. Есть еще один контекст, записанный в архангельских говорах (но с трудно определяемым местом записи): «Шветка ты непутна, шпанка непутна!» [КАОС]. Здесь замечательно то, что мы получаем еще один аргумент в пользу «этнического» происхождения простореч. *шпана*, которое может быть связано со словом *шпанский* ‘испанский’ (эта версия была сформулирована М. Фасмером с неуверенностью; она была подкреплена дополнительными аргументами в нашей старой работе [Березович 2007: 204], а сейчас появился новый верифицирующий «испанскую» версию контекст).

Подобные значения фиксируются и в русских говорах Карелии: *шведка* ‘та, которая пренебрегает общепринятыми правилами поведения’: «Бабка ругалась, вот шведки-то, косынки не наденут!» (Кондоп) [СРГК 6: 848], *швед* ‘бранно’: «Эй, вы, шведы, перестаньте драться!» (Медв) [СРГК 6: 849]; ср. также без указ. м. *швед нерубленая голова* ‘вольница’ [Даль 4: 106].

¹ Это слово фиксируется также в Подвинье и на западе Вологодской области [КСГРС].

От этого этнонима образуются и коллективные прозвища. Так, *шведами* называют жителей д. Пушлахта (неоф. *Швеция*) на Онежском берегу Белого моря, при этом предполагаемые мотивировки различны: прозвище дано жителям, по мнению их соседей, за «вредность» (Онеж, Лямца), за то, что «от них всего можно ожидать» (Прим, Летняя Золотица) [КАОС], за построенный якобы в Пушлахте шведский завод, за особенности произношения (шипящие вместо свистящих) [Воронцова 2011: 382]. Прозвище *Шведские* носила семья и в другой деревне Онежского берега — Тамице [КАОС]. Целая группа «шведских» коллективных прозвищ обнаруживается относительно недалеко от Беломорья — на юг (Лекшмозеро, Масельга в Каргопольском р-не Арх. обл., Мандера в Пряжинском р-не Карелии, Чулково в Белозерском р-не Волог. обл. [КАОС], Ругуй в Тихвинском р-не Ленинградской обл. [СРГК 6: 848]) и на восток (Пасконда Шенкурского р-на Арх. [КАОС]). По мнению информантов, прозвища даны за шустрость или бойкость; за то, что «шведская» деревня находится далеко за болотами; за то, что в деревне якобы проживал какой-то швед. В некоторых случаях прозвище *шведы* имеет лексические варианты с другой этнонимической (топонимической) основой: *шведы* // *швецары* (жители с. Лекшмозеро), *шведы* // *вильны* (жители д. Масельга).

Негативны и образования от этнонима *германец*, ср. *герма́нец* ‘вредный, мстительный человек’: «Германец такой, всё ему хочется соседям свинью подложить» (Онеж, Большой Бор); в соседнем с Мезенским Лешуконском районе отмечена и *ерма́нка* ‘бранно’: «Вот йерманка (внучка)! У меня ремень-то йесь!» (Родома) [АОС 13: 135]. Есть подобный факт и среди прозвищ: *Германка* — жительница онежской д. Унежда [Не век жить 2011: 35], но мотивация неизвестна (кстати, в этой же деревне проживает *Англичанка* [Не век жить 2011: 35]). То же можно сказать о семантических производных от этнонима *немец* (в широко распространенных контекстах типа «Ой ты немец, опять напакостил»), которые следует отнести скорее к просторечным, а не к диалектным. В говорах Беломорья, как и в ряде других русских диалектов, проявляется вторичное внутригнездовое притяжение *немец* ↔ *немой*, ср.: «Немци, штё ли, поштё сказать не можете толком? Не пойму, штё и говорят, как мычат» (Онеж, Ворзогоры).

Что касается образований от корня *норвег-*, то они не имеют ощутимой негативной мотивировки. Жителей г. Онега поморские соседи зовут *норвёжина*, *норвежа́на*, объясняя это так: «Оне́жина — та же норвёжина, только наречие другое» [СНРАрх 2013: 121], «Онежина — норвежина, одну неделю работают, другую покой» (Онеж, Ворзогоры), «Онежана — те же норвежана, заводы строили — все были норвежцы, хозяева — норвежана»

(Онеж, Ворзогоры). Возможно, в последнем контексте имеется в виду предприятие «Руснорвеголес», которое действительно существовало в Онеге до 1929 г. [Не век жить 2011: 123]. Есть у поморов и присловье «Мезена да Онега — Матка да Норвега» [Мосеев 2005: 83]: мезенцы противопоставлены онежанам именно из-за интенсивных контактов последних с норвежцами. Важно для поморов и то, что в Онеге ловилась семга, мигрирующая от берегов Норвегии (см. выше), что тоже определяло проекцию *Норвега* → *Онега*. Наконец, не последнюю роль играет рифма, определяющая сближение двух имен.

Рифмованные присловья, сопрягающие местный катойконим и обозначение какого-либо германского народа, встречаются на изучаемой территории не единожды. Жители Сороки (старое название карельского Беломорска) имеют прозвище *англичане*: «Сорочане — те же англичане, только наречие на “це”» [Воронцова 2011: 22], его же носят жители холмогорского Емецка (находящегося в соседней по отношению к Беломорью зоне): «Там пословица йесь, древняя, а можэт, новая, не новая — средняя: “Йемчане — те жэ англичане”. Они похожи на англичан» (Холм, Сия) [АОС 13: 115]. Это же прозвище, но функционирующее, кажется, вне присловья, отмечено и на Мезени (жители д. Печище, неофициально называемой *Лондон*) [АОС 13: 115], а также на Терском берегу Белого моря (жители д. Куз-река) [Кушков 2011: 77]. Есть в Беломорье и *американцы* — это жители д. Оленица Терского берега (Канд) [СРГК 1: 18].

В качестве основы для прозвища могут выступать не только перечисленные выше базовые германские этнонимы, но и *этнонимы «периферийные»*, обозначающие определенные территориальные группы представителей того или иного народа (для них иногда используется термин *квазиэтнонимы*, который нам кажется неудобным). Интересно прозвище *каяне*, называющее жителей д. Нижмозеро Онежского района. Это прозвище отсылает в конечном счете к историческому имени Ботнического залива *Каяно море* и связанному с ним наименованию фактической границы между Россией и Швецией в XVI в. — *Каянский рубеж*. *Каяне* (*каяны*, *каянские немцы*) — приграничные к Карелии финляндские шведы, однако соседнее русское население использовало этноним *каяне* без четкой национальной дифференциации: в состав *каян* могли входить шведы, финны, карелы, собственно *каяны*, или *квены* [Бернштам 1978: 56, 58]. О сложности идентификации этнонима *каяне* пишет и С. В. Максимов, указывающий, что *каинскими немцами* поморы называли норвежцев, а *свейскими немцами* — шведов (при этом просто *немцы* — как говорилось выше, все иностранцы из Европы) [Максимов 1987, I]. Сложно сказать, что легло в основу нижмозерского прозвища (информанты не дают мотивировки): это

могли быть представления о конкретных группах германских чужаков, якобы обитавших в Нижмозере (финляндских шведах, норвежцах и др.), недифференцированное восприятие германских народов или же сопоставление нижмозер с чужаками (из-за их непонятного говора, манеры одеваться и пр.). Есть и еще один мотивационный вариант. У нижмозер есть также другие прозвища, созвучные с *кайне*: *кайвана*, *кайваны*, *кайваши*: «Лямчана называли нижмозёр *кайвана*, пурнемчан — *католики*» (Онеж, Пурнема). Этот ряд прозвищ А.А. Макарова соотносит с арх., волог., олон., ленингр. *кайв́ан* ‘карел, вепс’, *кайв́аны* ‘презрительное прозвище карелов и чуди’, ср. вепс. *kaivan* ‘кайван (прозвище вепсов)’ [Макарова, Чекан 2019]. Трудно допустить, что *кайне* и *кайваны* как прозвища жителей одного и того же населенного пункта появились независимо друг от друга, но направление аттракционных процессов пока неясно.

Наконец, на примыкающей к Беломорью с востока территории Пинежья есть прозвище *мўрманы* — жители д. Кеврола [Воронцова 2011: 226], которое, вероятно, восходит к рассмотренному выше этнониму *мурманы*.

Перечислены, вероятно, не все германские этнонимы и этнонимические производные, характеризующие человека, которые употребляются поморами, но и представленных данных достаточно, чтобы сделать вывод об обилии этого материала в говорах Беломорья.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. Яркую группу «германских» слов образуют названия различных бытовых реалий — одежды, орудий, инструментов, конструктивных элементов жилища и др. Это главным образом обозначения объектов торговли, которая велась поморами очень активно. Ср., например, свидетельства о товарообмене с германскими странами (преимущественно Норвегией), которые не раз встречаются в словарных контекстах: «Мы с Норвегой всю жисть торговали, возили туда смолу, дерево (жердьё особливо), картошку, а оттуда всякое железо — топоры, косы, ножницы, посуду, одёжу непромокаемую» (Онеж, Ворзогоры); «Как хлеба было много, дак хлеп здавали этим норвегам» (С-Двин, Ненокса) [КАОС]; «Манилевая верёвка из манили, она крепче пеньки, грубее конопли, с Англии везли» (Тер) [СРГК 3: 198]; «Палтуха да елоницы <жерди для сушки снастей> в Норвеге на рыбу обменивали, лес-то у нас хороший был, снасти-то сушить им на чём-то нужно было» (Прим, Патракеевка) [СГРС 3: 316]; «Лявердук <толстое полотно для паруса> из Норвегии привозили, толще полотна» (Белом.) [СРГК 3: 171]; «Это свекровин памятник <память о ком-либо> — чашка норвецка» (Белом.) [СРГК 4: 388]; «В Норвегу ходили деды, торговали лесом,

оттуда товары» (Сальнаволок) [Мызников 2010: 264]; «Были здесь судовладельцы, мама даже в Норвегию ездила, рыбу возили и посудного, и продуктов» (Шижня) [Мызников 2010: 332] и др. Контексты эти по большей части нейтральны с точки зрения оценки, лишь изредка возникают экспрессивные ноты из-за того, что товарообмен признается «несимметричным»: «Норвѣжана закупили весь Мурманск, а нашим — фик, рыбу-то здают норвѣжанам, в Мурманск только привозят мойву сраную да путасу, не люблю» (Онеж, Тамица) [КАОС]. Интересная информация о проникновении к поморам реалий материальной культуры содержится и в толкованиях словарных статей, ср.: *шкв́ара, шкв́арка, вы́шкварка* ‘остающаяся на дне котла при вытапливании максы и воюксы черная пригорелая масса. Норвежцы выменивают у наших промышленников шквару на ром и употребляют ее на удобрение земли’ (Кол) [Подвысоцкий 1885: 192]; *ёла* (слово норвежское) ‘построенное по образцу норвежских морских лодок судно об одном парусе с весьма острым носом и кормою’ [Подвысоцкий 1885: 42] и др.

По данным И.М. Дурова, слово *норвецькой* ‘норвежский, вывезенный из Норвегии, норвежского изготовления’ употреблялось у поморов повсеместно [Дуров 2011: 254]. Далеко не все из обозначений предметов импорта имели «германскую» маркировку в языке, но в ряде случаев она представлена. В разных зонах Беломорья и в разные эпохи отмечаются предпочтения то одних, то других импортных товаров. Допустим, в зоне двинских устьев в 1928 г. фигурировали *а́глицкие косы, вилы, топоры* [СРНГ 1: 201], а в устье Онеги, по записям ТЭ, сделанным спустя 45 и 90 лет, на месте *а́глицких* зафиксированы *норвежские косы, топоры, ножницы*.

Прокомментируем наиболее активные в языковом плане идеогаммы, особенно те, которые имеют вариативное лексическое воплощение (тождественные или сходные смыслы выражаются разными лексемами, имеющими отэтнотонимическое или оттопонимическое происхождение). Такие случаи, обнаруживающие отношения лексической системности, позволяют более тонко определить семантику этнонимического производного и охарактеризовать условия заимствования вещи / слова, а также отношения между «своей» и «чужой» вещью / словом.

Интересны упоминания о «германской» *одежде*, особенно *платках*. Так, в Онежском и Приморском районах есть *датские платки* и *сарафаны*, изготовленные из нарядного ситца (преимущественно красного) с рисунками: «Датски платки на гулянье надёвывали, красны, цветасты» (Прим, Яреньга); «Датски платки — досельны платки, стары, без кистей, всяки рисунки

нарисованы (Онеж, Пурнема); «Она и в круг в датском сарафане ходила» (Онеж, Нижмозеро) [СГРС 3: 177]; ср. в олонечких говорах — *датский* (в знач. сущ.) ‘ситец из красного цвета с рисунками’ [СРНГ 7: 279].

Какова мотивация этого слова? В записях онежских былин, осуществленных Гильфердингом, есть упоминание о *датской земле*: «Ай молодой Добрыня сын Микитинич Ен съезжает с земли с датской». Поскольку в контексте речь идет о пире в Киеве, то напрашивается вывод о том, что связи с Данией нет, а «*земля датская* — это земля дарованная» [Бобунова, Хроленко 1997: 5]. Однако есть и другое решение, которое представляется более надежным. *Датской страной* «в прежнее время называли поморы Норвегию — по бывшей ее принадлежности к Датскому королевству. *Ходить в Датску* значило ‘отправляться, плыть в Норвегию’» [Подвысоцкий 1885: 36]. Обнаруживаются и иные подтверждения такой семантики *датского*. К примеру, в «Наставлении к путешествию по морскому тракту...», написанному в конце XVIII — нач. XIX в., встречаются формулировки вроде «Как заходить следует от Заецкого острова по *русскому берегу* и по *датскому*» (цит. по: [Ивашова 1999: 29]). В цитированном выше рассказе Б. Шергина «Ваня датский» речь «датчан» изображается как английская. Таким образом, в онежской былине явно говорится не о дарованной земле, а о какой-то германской (скорее всего, норвежской). Такие географические «несостыковки» (действие в тексте разворачивается в Киеве, а при этом упоминается *датская земля*) известны исследователям былин (ср. примеры, приводимые в [Петкевич 2011: 368]: *король шведский* правит Литвой, вместо Киева появляется *Римский город* и пр.).

Соответственно под *датским платком* тоже, вероятно, подразумевается норвежский (или какой-то еще из германских, но вряд ли *датский* в «узком» смысле этого слова).

Интересно и характерно, что *датский* в указанном значении имеет номинативный дублет — *шведский*. В словарице краеведа П.И. Певина, собравшего лексику Кондопожской, Великогубской и Толвуйской волостей Петрозаводского уезда Олонецкой губернии (соседняя с Беломорьем зона Заонежья), есть упоминание о *шведском ситце* — ситце красного цвета с рисунками, при этом автор указывает, что это сочетание означает то же, что *датский ситец* [Певин 1896: 7, 30]. «Глухой» след *шведского ситца* есть и в таком контексте из Прионежского района Карелии: «А кушашный сарафан из кушака <кумача> да из шведского ситца, всяки сарафаны шили» (Прион) [СРГК 3: 81] (при этом на своем алфавитном месте, к сожалению, *шведский ситец* в СРГК отсутствует).

Этим перечень «германских» ситцев (платков, сарафанов) не исчерпывается. В одной из лирических песен Онежского берега Белого моря упоминается *немецкий платок*: «Дунь, ветерок, розньеси весь пепелок, / Розньеси весь пепелок / Ф кожозерский уголок / Во немецкий во платок» (Онеж, Тамица) [КАОС]. Какие-либо «приметы» этой реалии неизвестны, но вполне вероятно, что перед нами «тот же» (*датский* = *шведский*) платок¹.

На Онежском, Мезенском и Терском берегах Белого моря отмечен *аглицкой платок* или *платочек* (и соответствующий материал): «Аглицкой платочек, ис сицца, разны цветы, вот он ы называеця аглицкой» [АОС 1: 63; СРНГ 1: 201; КСГРС]. Названия нарядной покупной одежды, трактуемые как «английские», вообще наиболее частотны (из всех германских): *аглицкой сарафан*, *кумач*, *ситец*, *фатка* и т. п., *агличуха*, *агличник* etc. известны на Пинеге, в Лешуконье, в среднем и нижнем течении Онеги, в Подвинье, а затем на Вологодчине [СГРС 1: 12; СВГ 1: 15; СРНГ 1: 201; АОС 1: 63; СРГК 1: 70]; далее география еще расширяется: влад., ленингр., новг., твер., яросл. [СРНГ 1: 201]². Более того, *аглицкие платки* были вполне официальным торговым наименованием: такие изделия изготавливались на различных российских фабриках XIX в. (Баранова, Посылина и др.). Так называется и «винтажный» товар, который даже в настоящее время можно купить, например, в Архангельске в магазине «Беломорские узоры». Таким образом, *аглицкий* здесь не строго ‘английский’, а скорее, в соответствии с толкованием в [СРНГ 1: 201], ‘заграничный или добротный (нарядный, красивый) русский’. У *аглицкого плат*а есть любопытный вариант — *ангельский плат*: «У бабушки *ангельский плат* быў, красный, с цветками, *хранцуз-от*» (Вин, Верхняя Кица) [КСГРС]. Это результат притяжения к слову *ангел*, мотивированного, очевидно, представлением об «ангельской» красоте платков. Не менее показательным, что красный платок, о котором идет речь, назван в контексте еще и *хранцузом*. *Французские (хранцузские) платки (сарафаны* etc.) хорошо известны в русских говорах: как и *аглицкие*, они изготовлены из нарядной привозной материи (*французской* или *парижчины*), не льняной, а хлопчатобумажной, ср. соответствующие примеры в [Березович, Кабакова

¹ Это подтверждается данными вятских и курских говоров: курск. *немецкий ситец* ‘красный ситец’, вят. *немецкая шаль* [СРНГ 21: 78–79].

² Семантика *аглицкого* как нарядного, «заморского» подтверждается фольклорными контекстами, ср. фрагмент лирической песни: «Он уехал во чистое во поле / На вороном коне, / При торговом балахоне; / Милой в аглицкой рубашке, / В новой драповой фуражке» (Олон) <<http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/so4/so43588-.htm>>, где *аглицкая рубашка* фигурирует в ряду с другими «идеализированными» деталями гардероба.

2015: 26–27]. При этом ареал *французских платков* отличается от ареала *аглицких* (хотя есть и зоны пересечения — арх., новг., волог.): они отмечены в Поволжье (костр., морд.) и на Смоленщине; *французская шаль (платок)* живет и в литературном языке [Березович, Кабакова 2015: 26–27].

У поморов есть и другой вид «романских» платков: онеж. *тальянский плат* ‘большой шерстяной платок, шаль’ [СРНГ 43: 254]. Контексты к этой записи, опубликованной в 1933 г., отсутствуют, однако можно предположить, что это тоже нарядный привозной платок, неслучайно *тальянкой* или *тальянским платом* (платочком) чаще всего называют дорогие шелковые платки (вят., ярсл., ср.-урал., печор.) [СРНГ 43: 254], ср. «Мне доколь будет носить / Дорогой такой подарок / Тальянский платочек» (без указ. м.) [СРНГ 43: 254]. Таким образом, «германский» ситец ожидаемо распространен преимущественно на Русском Севере, опускаясь к Поволжью, а «романский» — в западной, центральной России, на Урале¹. И в том, и в другом случае речь идет о нарядной «магазинской» одежде, которой приписывается статус «заморской»².

Говоря о «германской» одежде, упомянем и обозначения рукавиц (*дельниц*), которые образуют показательную оппозицию, ср. *норвежские дельницы* — *русские дельницы (рукавицы)*: «Норвежские дельницы с резинкой были, привозные, а русские свои, без резинки» (Онеж, Каска), «Русские рукавицы у нас от бабушки, они без резинки. Вот у этих резинку после мама довязала» (Онеж, Пачепельда). Рукавицы — не единственное вязаное изделие, имеющее «этническую» маркировку: «Русские дельницы были, русские носки, русские чулки. Они без резинки. В снегу торбаешься, рука мокрая, не запихаешь, если дельница с резинкой» (Онеж, Ворзогоры). Возможно, в этом ряду первичны рукавицы, а остальные предметы получили свои характеристики по аналогии. На эту мысль наталкивает арх. *вóтты* ‘привозные из Норвегии шерстяные вязаные рукавицы’ [Подвысоцкий 1885: 22] < норв. *vottar* ‘варежки, рукавицы’, ср. др.-исл. *vǫttr*, швед. *vante*, ниж.-нем., нидерл. *want* ‘рукавица’ [Аникин РЭС 8: 318]. Эти и подобные скандинавские данные были заимствованы саамами, а из саамских диалектов проникли в говоры Русского Севера в форме *вáчега* ‘рабочая рукавица из сукна, брезента, кожи,

¹ Другие примеры реализации территориально-этнической модели при номинации нарядных покупок тканей и изделий из них см.: [Березович 2007: 199–200].

² Интересно, что в говорах такой пограничной по отношению к Русскому Северу территории, как Республика Коми, описываемая модель «переворачивается»: семантика ‘нарядный, привозной, «магазинский»’ приписывается слову *роч* ‘русский’, при этом *роч рузум* ‘ситец’ (букв. «русская тряпка, лоскут»), *роч дөрм* ‘рубашка, купленная в магазине’ [Айбабина 2018: 416].

овчины или стеганая; рукавица, обшита тканью или кожей' [МФУЗ: 69–71]¹.

В ходе сборов 2018 г. слово *вотты* записать не удалось, но на его месте мы встретили описательное *норвежские дельницы*. Здесь стоит предположить два взаимосвязанных мотива номинации: в антитезе *русский* — *норвежский* отражены представления, во-первых, о том, что «заморский» товар устроен более сложно и тонко, чем отечественный аналог; во-вторых, о том, что «русский» предмет более привычен и удобен (в варежку с резинкой труднее сунуть мокрую от снега руку). При расширении зоны, в которой фиксируются обозначения варежек, указанное противопоставление может обрастать деталями. На территории Плесского района Архангельской области, соседствующего с Онежским с юга, отмечены *русские исподки* (*делёнки*), обозначающие нижние рукавицы, связанные одной спицей, и *панские*, которые вяжутся в четыре-пять ниток: «Паньски исподки на четырёх, русьски исподки одной иглой вяжут» [СРГС 4: 347], «Делёнки русские на одной иголке вяжутся. А ноне-то вяжешь только паньски делёнки, а русски не вяжут» [АОС 10: 440]. То же отмечается далее в Карелии и сопредельных Вологодской и Ленинградской областях: *русская дельница* 'вязаная шерстяная рукавица с одним или двумя пальцами': «Мамушка русские дельницы вязала одной спицей, они толсты, толще долони» (Пудож) [СРГК 1: 447]. Замена слова *норвежский* на *панский* естественна: контакты с норвежцами для материковой зоны уже не так актуальны, а слово *панский* имеет разные значения, в том числе диффузное 'нерусский', 'иностраный', «заморский» (Онеж, Плес) [КСГРС; СРНГ 25: 198]. Получается, что *панские* варежки более «затейливы» и нарядны, чем *русские*. Эта антитеза распространяется довольно широко, затрагивая Поволжье, Прикамье, Владимирскую губернию, ср. казан., влад. *панские вареги* (*варежки*), перм. *панские рукавицы* 'варежки, связанные на пяти спицах': «Вяряги, вязанные в пять игол, назвали панские, а шитые одной иглой — русские» (казан.) [СРНГ 25: 198], казан., олон., карел. *русские варежки, дельницы, чулки* и т.п. 'изделия, связанные из толстой шерсти в одну нитку' [СРНГ 35: 272]. Помимо способа вязки акцент может ставиться также на особенностях использования рукавиц: *русские* рукавицы «обычные», рабочие, а *панские* — для «красоты», ср. арх., волог. *русские исподки* 'грубые, связанные в два слоя шерсти рукавицы для работы' —

¹ Неясно, связаны ли каким бы то ни было образом *норвежские* рукавицы со *шведскими*, но о последних есть «глухое» упоминание в СРГК: *швецкие рукавицы* 'разновидность кожаных рукавиц': «Швецки рукавицы кожаны были» (Тихв) [СРГК 6: 849]. Составители словаря помещают это сочетание в словарную статью к слову *швецкий* 'принадлежащий портному (ср. *швец*)', но это выглядит явной ошибкой.

арх. *панские испóдки* ‘рукавицы, связанные в один слой шерсти’ [СРГК 2: 298].

Таким образом, фиксируется устойчивое противопоставление «русских» и «нерусских» (изначально скандинавских) рукавиц. Это противопоставление, безусловно, должно учитываться как дополнительный аргумент в пользу «варяжской» этимологии слова *варежка*, по поводу которого мнения этимологов разделились: версию о связи с этнонимом *варяг* некоторые специалисты критикуют, допуская связь с *варить* (имеется в виду процесс обработки шерсти) или с *варь* от *варити* ‘беречь’, что, однако, не выглядит достоверным [Аникин РЭС 6: 83]. Полевые и словарные материалы, приведенные выше, позволяют укрепить семантическую сторону «варяжской» этимологии.

Другой маркированный в языке предмет импорта, противопоставленный «своей», «домашней» реалии, — прялка. В Архангельской области распространена модель номинации «своих» прялок (ручных) по территориям, где они изготовлены, ср.: *двиняночка* ‘прялка, изготовленная на берегах р. Северная Двина’ (Холм) [АОС 10: 309], *борча́нка* ‘прялка, изготовленная в селе Борок’ (Вин) [АОС 2: 87], *емча́нка* ‘расписная ручная прялка, по происхождению из пос. Емецк, тип такой прялки’ (Вин) [АОС 13: 115] и др. Кроме того, завозились прялки из Норвегии: «В Норвегу стали ходить, дак прялки привозили» (Онеж, Ворзогоры) [КАОС]. *Норвежская прялка* была ножная, с колесом, т.е. самопрялка, а *русская*, в отличие от нее, обычная «ручная»: «Норвежская прялка — самопряха, с колесом» (Онеж, Ворзогоры); «Возили норвежские прялки, разукрашенные все, и наши были русские прялки, абы как сделанные» (Онеж, Ворзогоры), «Норвега продавала прялки, русская прялка “буквой г”, норвежская прялка “колесом”» (Онеж, Ворзогоры). В Беломорье отмечено также слово *норве́женка* ‘швейная машина сапожника’: «У меня *норвежэнка* машына. Дома у нас была машына, йешишо сапожная, отец сапожник был. Машына норвежэнка, с Норвегии привезэна» (Прим, Ненокса) [КАОС]. Возможно, оно называет специфическую «норвежскую» реалию, но нельзя отрицать и другого варианта: слово могло появиться под влиянием представлений о более сложной, чем русская, норвежской прялке.

У поморов Терского берега Белого моря *норвежская прялка* становится *шведской*: *шведское колесо* ‘прялка с колесом’: «Сведско колесо бывает, а то еще отлого» [СРГК 6: 848]¹, а на Зимнем,

¹ На Русском Севере (в центральной Вологодчине) отмечено еще одно «шведское» название устройства для шитья: *шведка* ‘деревянное приспособление для шитья одежды, похожее на прялку’: «Я заплату на шведке кропала» [СВГ 12: 80]. Здесь несомненно притяжение к слову *швейка*, которое является другим названием той же реалии.

Летнем берегу и в Холмогорах она же — *немецкая прялка*: «Были прялки, немецкая называлась, столбик, колесо» (Зимняя Золотица) [КАОС], «Наверно, от немцев, потому немецкая прялка» (Холм, Заручей) [КСГРС]. Последнее сочетание использовалось, судя по всему, сравнительно широко в русских говорах, хоть и не нашло широкого отражения в лексикографических источниках. К примеру, *немецкая косая деревянная прялка* с ножным приводом представлена в экспозиции музея в повожской Старой Сарепте¹.

Еще одно важное в этнографическом плане противопоставление — антитеза «русского» и «варяжского» *топоров*. Русским *топором* поморы называют «обычный» топор с широким лезвием и обухом: «Обыкновенный топор русский, за что держаться — топорище, а что рубит — топор» (Терск) [СРГК 6: 486]. Оппозицию к этому названию составляют ряд обозначений «варяжских» топоров, причем чаще всего упоминается *норвежский топор*: «У тебя, скажут, есть норвежский топор? Он как маленький колун» (Онеж, Ворзогоры), «В пятке у норвежского <топора> дырка есть такая гвоздь вынуть» (Онеж) [СРГК 5: 388]. Эта же реалья у поморов называется *норве́га* ‘топор с прямоугольным обухом, со скошенной в одну сторону заточкой лезвия’ [Мосеев 2005: 83], слово фиксируется и в говорах Пинежья: «Норвега узкая, пятка тупая, неловко работать» (Почезерье) [КСГРС], «Раньше были топоры норвега, они отличались, их щяс нету нигде. У норвеги лезвийе конусообразное» (Нюхча) [КАОС]. О реальном импорте норвежских топоров свидетельствует, например, информант из Кушереки: «В Норвегию рыбу продавали. Назад везли товары: посуду норвежскую, очень прочные топоры, вилы» (Кушерека) [Не век жить 2011: 52].

Показательно, что для этого же инструмента (возможно, с какими-то модификациями) в Онежском районе и на Терском берегу Белого моря вновь фиксируется не *норвежское*, а *шведское* название: *шведский топор* ‘топор с узким лезвием и специальной трубкой, в которую вставляется топорище’: «Рубили топором только русским и шведским — лезвие уже у него» (Канд), ср. *шведок* (Онеж) ‘то же’ [СРГК 6: 486, 848]. В наших записях 2018 г. *шведский топор* описывался информантами так: «Хорошие были шведские топоры. У нас полумесяцем идёт, а у них прямое <лезвие>. И приспособление есть вытягивать гвозди» (Онеж, Большой Бор). Не вызывает удивления и замена «германского» элемента на *финский*: *финский топор* ‘топор с узким и вытянутым лезвием’ (Терск) [СРГК 6: 486], ‘то же’:

¹ <<http://sareptamuseum.ru/прялка/>>.

«Были у нас раньше небольшие топоры, назывались финские» (Онеж, Каска).

В отдалении от зоны русско-скандинавских контактов, в Поволжье, фиксируется *панской топор* ‘тяжелый топор для колки дров, колун’ [СРНГ 25: 198]. Это сочетание могло появиться как в результате смысловой адаптации *шведского (норвежского) топора*, так и независимо.

Нельзя обойти стороной и противопоставление русской *печи* и ее «сестер», которым приписывается северноевропейское происхождение. Первая использовалась в Беломорье (и, как известно, в целом у восточных славян) как основной способ отопления помещений и приготовления пищи. *Голландские печи (голландки)* применялись иногда у поморов как дополнительное средство отопления: «Пецки русские у нас, а у кого есть и голландки. Голландка вон у меня. Летом её больше топим» (Онеж, Ворзогоры); «Голландка — парадная печка в парадной комнате, там, где чисто и красиво. Она красивая была, с узорами разными. Только для тепла. Для пищи русская печка и плита к ней пристраивалась. Голландку топили зимой и осенью» (Онеж, Онега). В контекстах подчеркивается иное предназначение голландки, чем русской печи-*пекарки*: «Две печи у нас: пекарка и голландка» (Онеж) [СРГК 4: 420]. В верхнем течении Онеги и на западе Вологодчины такие печи назывались *столбьянками* (чтоб подчеркнуть ее форму, предполагающую отсутствие места для приготовления пищи и лежания): «Эта печька столбьянка, а то русская, столбьянку только летом топим» (Кирил) [СРГК 6: 345]. Т.А. Бернштам, анализируя причины распространения голландок у поморов, говорит о том, что они заменяли в конце XIX в. русские духовые печи в тех зонах, где животноводство (кроме разведения оленей) было сведено к минимуму, а значит, «скота нет, коров кормить не нать» [Бернштам 2009: 45–46]¹. Голландка хорошо знакома практически всем нашим информантам из Архангельского Поморья, но некоторые вспоминают еще *шведку*: «У нас русская печь для всего. Голландка ешшо была. И шведка была печь. Она для отопления, еду не готовили на ей» (Онеж, Большой Бор). Это же слово в «печном» значении еще раз отмечено в архангельских говорах, но контекст не поддается лингвогеографической атрибуции: «Шведка, внутри колодцы-выходы <колено дымохода>» [КАОС]. Есть в языковом сознании онежских поморов и другой вариант *шведской печи*, отличающийся от *шведки* размером, — это жестяная печь, используемая для обогрева боль-

¹ Голландками на Русском Севере могли называться печи разной конструкции. К примеру, на западе Вологодской области *голландка* — обогреватель с плитой: «Голанку истопить сегодня, так жарко будет, зимой ее топят. Суп на голанке варить можно» (Кирил, Шексн) [СРГК 1: 353].

ших помещений: «Шведская печь на железнодорожных станциях была. Печка покрыта жестью снаружи. Она для тепла. Паровых батарей не было, печи обогревали. Была в служебных помещениях, не в избах» (Онеж, Онега). Слово *шведка* известно также говорам Поволжья и Рязанщины: яросл. 'печь с закрытой плитой и духовкой' [ЯОС 10: 71], ряз. 'комнатная печь, несколько отличающаяся от голландки' [КСРНГ]. Сочетание *шведская печь* используется не только в говорах, оно представлено и в терминологии коттеджного строительства: «*Шведская печь* — это комбинированное сооружение из кирпича. Главное ее отличие — в чугунной варочной поверхности, к которой присоединяются трехканальные однооборотные щитки с очень простой конструкцией теплообменника»¹.

В орбиту «германских» обозначений печей втягивается и *немецкая печь*, которая встречается в граничащих с поморскими говорах Пинежья: «Горенка-то тожэ на потлети, там холод, дак немецка печька поставлена чугуна, дак воздух подогревайца» (Явзора) [КАОС]. Варьирование территориально-этнического компонента усиливается, включая и *финскую* составляющую, которая ожидаемо проявляется в удалении от Поморья — в говорах Ленинградской области, ср. *финка* 'особый вид печи': «Печка у меня финка, а раньше русская была» [СРГК 6: 684].

Вообще печи крайне разнообразны по своим конструктивным особенностям, и «географическая» модель в их номинации является широкой и хорошо разработанной, ср.: тобол. *полька* 'голландская печь', дон. *венгерка* 'передняя часть русской печки', 'уступ у печки, куда кладут спички', 'дымоход, труба для входа дыма' и др. [Березович 2007: 187]. К этим примерам можно добавить еще пенз. *тальянка* 'железная печь': «Тальянка нагревает избу» [СРНГ 43: 253]². Несмотря на наличие «польских» и «итальянских» печей, чаще всего встречаются на русских территориях, конечно, печи из холодных стран Фенноскандии.

В этом контексте особо интересно сочетание *мурманская печь* (удар.?), записанное в курских говорах в значении 'широкая печь с просторной лежанкой из зеленых изразцов' [СРНГ 18: 357]. К сожалению, контекст не фиксируется — и очень трудно понять, что именно стоит за словом *мурманский*. Думается, что здесь имеется в виду не собственно Мурманская область.

¹ <<https://etokirpichi.ru/pch/gollandka-ili-shvedka.html>>.

² Активность «чужеземных» номинаций для обозначения типов печей подтверждается и данными других языков, ср., к примеру, польск. *cygan* 'печь-каменка', 'глинобитная печь' и др., серб. *циганче* 'маленькая круглая жестяная печь', англ. (амер. воен.) *Dutch oven* («голландская духовка») 'половой кухонный очаг', франц. *cheminée prussienne* («прусский камин») 'переносной камин, переносная печь' и т.п. [Березович 2007: 187].

Скорее всего, значение слова *мурманский* наследует арх. *мурман* ‘житель норвежских берегов’ (см. выше), поскольку, судя по описанию, печь имела изразцы, присущие *голландкам*. Таким образом, *мурманская печь* — «печь, подобная тем, какие есть у северных народов».

Заканчивая пассаж о печах, упомянем еще печку-*буржуйку*. Известно, что эти металлические печки-временки характерны для быта первых послереволюционных лет или для позднейших описаний этой эпохи. Слово *буржуйка* мотивировано тем, что «в голодную и холодную пору обладатель печки-буржуйки мог считаться богачом, “буржуем”» [Аникин РЭС 5: 162]. Думается, что этому объяснению не противоречит (но дополняет его) еще одна мотивационная возможность: слово *буржуйка* ассоциируется с «нерусскими» печами германских народов, которые были хорошо известны особенно на севере России (то же, думается, можно сказать о мотивации арх. *буржуйка* ‘мужская нижняя покупная рубашка’ [АОС 2: 180]).

Таким образом, мы перечислили те идеограммы, при реализации которых наблюдается варьирование территориально-этнического компонента и противопоставление «своей» и «чужой» реалии. За рамками рассмотрения оказались лексические единицы языка поморов, не образующие номинативных оппозиций, ср.: арх. *голландский замок* ‘способ скрепления бревен’: «Бревна вкладываются по срезу — это голландский замок» (Онеж) [СПГК 2: 148]; арх. *немка* ‘небольшая гармошка’ (Мез); арх. *норвежки* ‘вид коньков’: «У всех, кто на коньках катался, были норвежки. Норвега нам, видать, посылала» (Онеж, Большой Бор), «Норвежки назывались снегурочки, загнутые носочки. В деревне у нас висят. На валенки надевались при помощи веревок» (Онеж, Ворзогоры)¹; арх. *норвежская коса* ‘вид кос наподобие косы-горбуши’: «Самая длинная норвежская коса — девять ладошек. Как большой серп. Очень острая, можно бриться, как сабля. Косили ей не как стойкой, а в наклонку. Клеймо было на ней — лебедь. Из первосортного металла» (Онеж, Ворзогоры)² и др.

Встречаются обозначения «германских» реалий и в эпическом фольклоре как Беломорья, так и Русского Севера в целом, где они могут трактоваться как «заморские» (= качественные,

¹ В городском просторечии есть близкое слово *норвеги*, обозначающие коньки (для конькобежного спорта), пришедшие к нам из Норвегии. Вряд ли речь идет точно о той же реалии, что поморские *норвежки*, ср.: «В свободное время ходил на лыжах, оставив Леночку на попечение соседей, вместе с Вaley на “норвегах” стремительно пробегал несколько кругов на гарнизонном катке» [Гагарин 1981: 49].

² Ср. запись из другой деревни Онежского района, где косам «с лебедем» приписывается не норвежское происхождение, а австрийское: «Лебедь — литовка с Австрии, у нее затылок-то острый» (Нижнеозеро) [Не век жить 2011: 206].

красивые, идеализируемые) предметы, ср. *немецкое стекло*: «Я одна красна девица остаюся в терему, под косячатым окном, за немецким за стеклом» (Олон) [СРНГ 21: 79]; «За семи за дверями за железныма, / За семи за *замоцьками немецкима*, / За семи за околеньками хрустальныма, / Не простого *стекла* — все *немецкого*, / Сидит она живет на стульчике ремешчатом, / Вышиват она разны шириночки» («Дунай Иванович — сват», Печор [Былины 2001: 561]). Если некоторые из этих и подобных примеров не фиксируются вне поморского ареала (*норвежская коса*), то другие имеют широкое распространение в русских говорах, например брюква *голландка* (*галанка, галаха, голань* и др. многочисленные варианты)¹.

Из собственно поморских слов (распространившихся из Беломорья в другие зоны Русского Севера) следует особо прокомментировать фолькл. *мурманка* ‘шапка с ушами определенного фасона’: «И кладывал шапку черно-мурманку» (Олон, Пудож; в записях Рыбникова) [СРНГ 18: 357]; ср. более развернутый контекст: «Да надел ён шубу ту купеческу, — Да во пуговках литы добры молодцы, Да во петельках шиты красны девицы. Да наложил ён шапку черну мурманку, Да ушисту, пушисту и завесисту» («Дюк Степанович») [Былины 1986: 319, № 362–366]. Есть и другие варианты этого слова, которые отмечаются исключительно в фольклоре (преимущественно эпическом) Русского Севера, в том числе беломорском: *мурванка*² ‘фольк. черная шляпа, шапка’ [СРНГ 18: 353], *чурванка* (вместо *мурманка*?) ‘фольк. шапка с завесами (через *черно-мурманка*)’ [КСРНГ]³. Ясно, что внутренняя форма этого слова — «мурманская шапка», но какое значение слова *Мурман* (*мурманский*) имеется в виду? Здесь мы еще больше, чем в случае с мурманской печью, можем быть уверенными в том, что речь не может идти о городе Мурманске или Мурманской области, появившихся только в XX в. Учитывая, что шапка богата («ушиста, пушиста, завесиста») — под стать шубе «черных соболей», можно предположить, что по-фольклорному идеальная одежда является «заморской», скорее всего, норвежской или обобщенно «германской».

¹ Несмотря на дезтимологизацию слова, проявляющуюся особо явно в вариантах типа *галаха*, носители языка в ряде случаев осознают германское происхождение самой реалии, что подтверждается существованием лексических вариантов: свердл. *шведка* ‘брюква’ [СРГСУ 7: 47], яросл. *немка* ‘то же’ [ЯОС 6: 134].

² Ср. контексты: «Да он скоро надевал шубу чёрных соболей, / Надевал-то шапку черну мурванку» («Василий (Игнатиевич) Пьяница», Беломор) [Беломорские старины 2002: 340, № 52–53]; «А как ставали богатыри на резвы ноги, / Ай побрали они шапочьки мурванки, / А надевали на свои-ти буйны головы» («Дунай (Василий Казимирович)», Беломор) [Беломорские старины 2002: 391].

³ Ср. контекст: «На ножецках обутки — сафьян сапог, / На головушке шапочка *чурванка*, / Кабы шуба на ём да всё куняя» («Чурила Пленкович и Катерина», Печор) [Былины 2001: 644, № 10–11].

Наши попытки выяснять у современных информантов Беломорья, что такое *мўрманка*, не приносили успеха, пока один из поморов не сообщил, что у «стариков» была такая зимняя рыбацкая шапка с кожаным козырьком: «У моряков были мурманки. У её козырёк кожаный. Из Норвегии пришла мода такая. Мех у её был звериный. У наших-то была шапка обыкновенная, а здесь с козырьком. Для рыбаков эта шапка, до войны, видать, появилась, когда торговали много с Норвегией» (Онеж, Онега)¹. Здесь, конечно, имеется в виду иная шапка, чем рисуется фольклорными текстами (прагматичный рыбацкий головной убор против фольклорной «идеальной роскоши»), но важен не конкретный вид головного убора, а сама возможность существования лексемы с подобным значением (как лексическим, так и мотивационным).

Наконец, есть в языке поморов слова, апеллирующие к обозначениям неевропейских германоязычных стран: *америкáнка* ‘сорт картофеля’: «Картошка досельна была американка, потом сменили на сортовую» (Онеж, Ворзогоры), ‘вагон для перевозки леса’: «Ну, опять нам американку дали. Огромные вагоны, неудобные. Это мы на лесозаготовках на том берегу работали» (Онеж, Пияла), арх. *канадские сани* ‘небольшие санки, привязываемые к дровням для перевозки леса и т.п.’ (Прим, Пертоминск). «Американско-канадская» лексика немногочисленна и называет в основном «новые» реалии, которые отражаются преимущественно в языке города, в том числе поморского: *америкáна* ‘женская блузка без рукавов с воротником-стойкой’ [СНРАрх 2013: 18], *канáдка* ‘зимняя куртка с капюшоном, похожая на аляску, но без оранжевой подкладки’ [СНРАрх 2013: 80].

КСЕНОНИМЫ. Вне выделенных тематических групп «германской» лексики следует привести ксенонимы (об этом термине см.: [Березович 2007: 407]) — слова, которые отражают обобщенные представления о чужих народах, не детерминированные факторами культурно-исторического плана. Точнее, сам выбор этнонимической основы мотивирован (указываются актуальные для номинатора чужаки), а признак, положенный в основу вторичной номинации, не имеет явной связи со стереотипным восприятием конкретного народа и может быть приписан любому чуждому этносу. Последнее определяется

¹ Этому же информанту знакомы *мўрманки* ‘шерстяные носки без пят’: «Мы теперь носим деревенские носки с пятой, с лапой, а там вроде мешочка, вроде кобуры, как рукав вырезан Подошву можно было переворачивать. Сегодня на один бок, завтра на другой. А носки с лапой — наше русское производство» (Онеж, Онега). Интересно также, что в соседней с Беломорьем зоне — Лешуконье — отмечается это же слово *мўрманки* в значении ‘брезентовые или полотняные рукавицы’ [СГРС 7: 364].

контрастивно — на обширном сопоставительном материале, позволяющем увидеть широкий диапазон варьирования самых разных этнонимических основ при номинировании определенных классов реалий.

Так, германские чужаки могут представлять в образе тараканов (мотивирующие признаки при этом — способность «вторгаться» во множество и неожиданно, злобность, а также, вероятно, наличие усов). Помимо повсеместно распространенных *прусаков* (*прусачков*), в Онежском районе фиксируется *норвэг* ‘рыжий таракан’: «Норвеги — те же прусаки!», «Норвегов-то набежало в избу», «Набежали норвеги, надо их морозить» (Усолье). Южнее, в соседнем Плесецком районе, отмечается и *немец*: «Немцов-от окармливали» (Зубово); на большем удалении к юго-западу — *швед*: пск. *швед* ‘так называют маленьких тараканов, которые зимой меняют шкуру и делаются белыми’ [Опыт 1852: 264]; подробнее об инородческой «тараканьей» модели (очень разветвленной в языках Европы) см.: [Березович 2007: 426–428].

Еще одна номинативная зона, где часто встречаются ксенонимы, — названия созвездий. В говорах Терского Беломорья записано название *Немецка Кучка* ‘Плеяды’ [СРГК 3: 410], в говорах Онежского — *Немецкая Лось* ‘то же (?)’: «Немецка Лось, все звезды в одной куцьке, все толь ясны» (Прим, Пушлахта) [КАОС], при этом Мезенского — *Лось Остяцкая* ‘Кассиопея’ [СРНГ 24: 155]. Этнонимический компонент появился в названиях по той причине, что Кассиопея и Плеяды (как и Малая Медведица) воспринимаются как «сниженный двойник» Большой Медведицы — самого яркого, четко различимого (и порождающего наибольшее количество номинаций) объекта звездного неба для народов, проживающих на севере Евразии. Иначе говоря, Большая Медведица признается «своим» созвездием, а менее яркое и значимое созвездие становится «чужой» Большой Медведицей (подробнее см.: [Березович 2007: 417–418; 2014: 193–194], где приводятся аналогичные примеры и из урало-алтайских языков¹).

К ксенонимам относится и *норвэга* ‘простудная лихорадка’: «Норвегу надуло, месяц валялся» (Онеж, Онега), ср. также костр. *германское поветерье, сибирский ветер*, кубан., укр. *жидовка* ‘лихорадка, нападающая ночью’ (см.: [Березович 2007: 442]). Такого рода лексические единицы мотивированы пред-

¹ Так, в финском языке Большая Медведица называется *Otava* или *Suomen* («финская») *Otava*, Кассиопея дублирует это название с эпитетом «русская»: *Ryssän Otava*, *Venäjän Otava*, а Малая Медведица — с эпитетами «саамская» или «шведская»: *Lapin* («саамская») *Otava* ‘Малая Медведица’, *Ruotsin* («шведская») *Otava* ‘то же’.

ставлениями о том, что болезни «надуваются», приносятся «инородческими» ветрами¹.

* * *

Как говорилось выше, мы не ставили перед собой цель исчерпывающей реконструкции языкового образа германского мира в сознании поморов: эта задача могла бы быть реализована в солидной монографии. Данная статья вдохновлена полевыми находками экспедиции Уральского университета в Архангельском Беломорье, и разворачивание представленного в ней материала (более широкого, чем наши полевые записи) определяется их содержанием. Вместо заключения изложим несколько соображений, которые составляют перспективу исследования и связаны с важнейшим для изучаемой темы вопросом — соотношением языковых фактов и культурно-исторической действительности.

Было бы важно, полно собрав материал (лексические факты, имеющие маркер «германскости» в своей внутренней форме или семантике) по всему Беломорью, картографировать его, чтобы увидеть, как распределяются германские «приоритеты» у поморов. Ясно, что вокруг той зоны, где были даже русско-норвежские таможни (к примеру, на Кий-острове), акцент будет ставиться на словах с корнем *норвег-*, а в тех местах, где происходили столкновения с англичанами (например, в Унежме), ожидаемо встречаются соответствующие прозвища. Предсказуемо и то, что лексические единицы с корнем *швед-* (особенно в случаях номинативной дублетности *шведский* // *норвежский*) чаще отмечаются на западе и юго-западе Беломорья — ближе к реальным местам вооруженных столкновений. Но, как известно, исторические факты связаны с языковой системой гораздо более сложными и тонкими отношениями, чем точное отражение (особенно если учесть многослойность как историко-культурной действительности, так и языковой памяти, руководствующейся к тому же собственными законами, не всегда связанными с исторической «подкладкой»). По этой причине картографирование может принести результаты, которые не лежат на поверхности.

¹ Еще один факт, который можно было бы интерпретировать как ксеноним, на самом деле является симулякром. В [СРНГ 21: 278] отмечено арх. помор. *норвег* в выражении *норвег его знает* и с дефиницией 'кто его знает'. При такой лексикографической подаче следует вывод, что *норвег* является контекстным синонимом слова *черт*. Такой вывод сделали авторы БСРП (вторичного по отношению к СРНГ), подав это выражение так: *норвег его знает* 'абсолютно ничего не известно о ком-л., о чем-л.' [БСРП: 447]. Но в исходном для этой статьи СРНГ (и, разумеется, для БСРП) словаре А. Подвысоцкого в качестве источника данной записи дается предложение *Вся Норвега его знает* [Подвысоцкий 1885: 103]. Таким образом, при трансляции этого предложения, к сожалению, имела место лексикографическая ошибка.

Важно включить в лингвоареальное исследование и производные от этнонимов, обозначающих представителей иных народов, контактировавших с русскими в Беломорье или в соседних зонах, — финно-угорских, самодийских, балтийских, славянских. Интересны случаи дублетности «финского» и «германского», а также вхождения в иные виды отношений — симильярности, тематической рядоположенности (например, печи *шведка* и *финка*).

Помимо лингвоареального значим и хронологический аспект формирования языковой памяти. Наблюдается некий дисбаланс между глубиной памяти, проявляющейся, с одной стороны, в народных меморативах и исторических преданиях, а с другой — в фактах системы языка. Так, в устных рассказах и легендах, записанных в Онежском районе Архангельской области [Не век жить 2011], часто упоминается «англичанка» — разумеется, в контексте военных действий второй половины XIX в. или Первой мировой войны. Устная история, таким образом, несет главным образом негативную информацию. Однако в языковой системе (в этнонимических и топонимических дериватах) след этих военных действий минимален, «английская» лексика в языке поморов хранит память преимущественно о торговых контактах (и практически настолько же нейтральна, как «норвежская» лексика). При этом яркая пейоративная экспрессия присуща словам, входящим в гнездо с вершиной *швед*- и отсылающим к событиям более ранним. Это говорит, повторим, о разных хронологических «весах», релевантных для фольклорной и языковой традиции, а также о «неконгруэнтности» той исторической информации, которая отражена в различных субстанциональных кодах знакового языка культуры. При этом поморский образ шведа, разумеется, отличен от более западного: в языке поморов *швед*, кажется, не играет роль перво-населенника, «древнего человека» (этот мотив проявлен, например, на западе Ленинградской области [Штырков 2012: 168–169]), нет и фразеологизированных деталей исторических сражений, встречающихся, скажем, в белорусской народной фразеологии [Котлярчук 2002: 189–194] etc.

Еще одна перспектива исследований связана с более глубокой разработкой вопроса о роли метаязыкового фактора в формировании образа германского мира. Из-за сравнительного высокого уровня межязыковой компетенции поморов в их речи наблюдаются не только характерные для диалектного языкового сознания вообще народно-этимологические сближения (ср. притяжения на основе этнонимов *швед* и *немец*), но и нечастые в русских говорах метаязыковые прозвища типа *камана* и *асеи*, основанные на весьма точной передаче «чужеземных» слов.

Сделанные наблюдения следует использовать и для этимологизации и семантической реконструкции поморской лексики. Некоторые этимолого-мотивационные наблюдения нами уже были сделаны, ср. интерпретацию таких лексических единиц, как *бишки*, *варежки*, *мурманская печь* и др. Но есть и такие факты, для которых не удалось пока предложить мотивационных решений, ср. гапакс *швёда* 'тонкая молодая сосна с корнем; ее вымачивают и приспособливают для ловли бревен в реке': «Шведу с корнем вырубали, вместо верёвки выёшь через дерево. Запань из шведов и делали» (Онеж, Нименьга). Системный сбор материала в Беломорье и на пограничных территориях поможет найти решение в этом и других случаях.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

Автор сердечно благодарит И.Б. Качинскую за помощь в сборе материала и ценные консультации при подготовке статьи.

Список сокращений

АОС — Архангельский областной словарь

КАОС — картотека Архангельского областного словаря (МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра русского языка)

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург)

КСРНГ — картотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

МФУЗ — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера

СВГ — Словарь вологодских говоров

СГРС — Словарь говоров Русского Севера

СНРАрх — Словарь народно-разговорной речи города Архангельска

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала

СРНГ — Словарь русских народных говоров

ЯОС — Ярославский областной словарь

BDL — Bibliographie zu deutschen Lehnwörtern im Weißrussischen, Ukrainischen und Russischen

Источники

Архангельский областной словарь. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980—. Вып. 1—.

- Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1080 с. (Памятники русского фольклора).
- Былины: в 25 т. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001—. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России / Отв. ред. А.А. Горелов. 2001. 776 с. (Свод рус. фольклора).
- Былины: Сборник / Сост. Б.Н. Путилов. Л.: Сов. писатель, 1986. 572 с. (Б-ка поэта. Большая серия).
- Воронцова Ю.Б. Словарь коллективных прозвищ. М.: АСТ-Пресс Книга, 2011. 448 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880—1882 (1989).
- Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 453 с.
- Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1898. 151 с.
- Кушков Н.Д. Поморский говор: пословицы, поговорки, присказки, лексика. Варзуга: Опимах, 2011. 168 с.
- Максимов С.В. Избранные сочинения: в 2 т. М.: Худ. лит., 1987.
- Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004—. Вып. 1—.
- Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. Мурманск: Кн. изд-во, 1979. 184 с.
- Мифологические рассказы русских крестьян XIX—XX вв. / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М.Н. Власовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2015. 909 с.
- Мосеев И.И. Поморська говоря: Краткий словарь поморского языка. Архангельск: Б.и., 2005. 139 с.
- Мызников С.А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб.: Наука, 2010. 496 с.
- Не век жить — век вспоминать: Народная культура Поонежья и Онежского Поморья (по материалам Онежских экспедиций). 2-е изд., испр., доп. Онега; Архангельск; М.: Т-во Северного мореходства, 2011. 384 с.
- Опыт областного великорусского словаря. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1852. 275 с.
- Певин П. (сост.). Слова из народной речи. (Кондопож., Великогуб., Толвуйская волости Петрозавод. уезда, Олонец. губ.): Словарик Заонежья. Петрозаводск: Губ. тип., 1896. 32 с.
- Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. 1022 с.
- Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н.А. Криничная. Л.: Наука, 1978. 256 с.

- Словарь вологодских говоров / Под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вологда: Изд-во Волог. гос. пед. ун-та, 1983–2007. Вып. 1–12.
- Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- Словарь народно-разговорной речи города Архангельска / Под ред. О.Е. Морозовой. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. Т. 1: Городское просторечие. 204 с.
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. Вып. 1–6.
- Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А.К. Матвеева. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987. Т. 1–7.
- Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991. Вып. 1–10.

Библиография

- Айбабина Е.А.* Семантические дериваты этнонима *роч* ‘русский’ в диалектах коми языка // Биткеева А.Н., Горячева М.А. (отв. ред.). Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Междунар. конф.: докл. и сообщ. М.: Языки народов мира, 2018. С. 415–421.
- [Аникин РЭС] *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.
- Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. 600 с.
- Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: пространство и человек. 2-е изд., испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 328 с.
- Березович Е.Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.
- Березович Е.Л., Кабакова Г.И.* Россия и Франция: диалог языковых стереотипов // Антропологический форум. 2015. № 27. С. 9–69.
- Бернштам Т.А.* Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978. 173 с.
- Бернштам Т.А.* Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009. 432 с.
- Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Кластер «Этнонимы: чужестранное» // Фольклорная лексикография. Курск: Изд-во КГПУ, 1997. Вып. 8. С. 3–17.
- Брок И.* Моя-по-твоя. Русско-норвежский язык-пиджин // Оттар. Норвегия и Россия на севере. 1992. № 192. С. 24–28.
- Дранникова Н.В.* Соловки в устной религиозной прозе жителей города Архангельска // Традиционная культура. 2015. № 4 (60). С. 49–57.

- Ивашова Н.М.* Западноевропейские заимствования в говорах Русского Севера: Дисс. ... к.филол.н. Екатеринбург: УрГУ им. А.М. Горького, 1999. 294 с.
- Кожина А.А., Шербач И.М.* Некоторые проблемы изучения заимствований из западноевропейских языков в русских диалектах // *Russian Linguistics*. 2005. Vol. 29. No. 3. P. 347–364.
- Коп А.С. ван дер.* К вопросу о голландских терминах по морскому делу в русском языке // *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*. 1910. Т. 15. № 4. С. 1–72.
- Котлярчук А.* Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў. Мінск: Энцыклапедыкс, 2002. 296 с.
- Кошкин И.С.* Русско-германские языковые контакты в грамотах Северо-Запада Руси XII–XV вв. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 169 с.
- Лутовинова И.С.* Следы древних русско-норманнских языковых контактов // *Герд А.С., Пурицкая Е.В. (отв. ред.). Севернорусские говоры*. СПб.: Нестор-История, 2015. Вып. 14. С. 14–21.
- Макарова А.А., Чекан К.О.* Локальные группы населения в свете ономастических данных (на материале коллективных прозвищ) // *Живая старина*. 2019. № 3. (В печати).
- Минкин А.* Топонимы Мурмана. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1976. 208 с.
- Михайлов А.* Очерки природы и быта Беломорского края России. Охота в лесах Архангельской губернии. СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1868. 278 с.
- Михайлова Л.П.* Лоция Белого моря 1930 г. как источник изучения системы номинации объектов Европейского Севера // *Барандеев А.В. (отв. ред.). Актуальные проблемы топонимики*. М.: ИД «Кодекс», 2018. С. 135–143.
- Петкевич Г.С.* Западный мир в былинах: историческая память и художественный вымысел // *Рябининские чтения — 2011: материалы VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера*. Петрозаводск: Гос. ист-арх. и этногр. музей-заповедник «Киж», 2011. С. 368–370.
- Попов С.В.* Топонимия Белого моря // *Вопросы топонимики Подвинья и Поморья*. Архангельск: Геогр. об-во СССР, 1991. С. 45–54.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Наука, 1964–1973. Т. 1–4.
- Штырков С.А.* Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. 228 с.
- Hentschel G., Pryhodzič A., Pryhodzič M., Taranenko O., Krivko R.* Bibliographie zu deutschen Lehnwörtern im Weißrussischen, Ukrainischen und Russischen. Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 2016. 62 S.
- Tenhagen W.* Russisch dial. *вандыш* — Bedeutung und Herkunft // *Janyšková I., Karlíková H. (Hrsg.). Studia etymologica Brunensia 1*. Praha: Euroslavica, 2000. S. 295–303.

Reconstructing the Image of the German World in the Language Consciousness of Arkhangelsk Pomors

Elena L. Berezovich

Ural Federal University

51 Lenin Ave., Yekaterinburg, Russia

berezovich@yandex.ru

The article presents an ethnolinguistic study which recreates the image of the German world through the eyes of the White Sea coast inhabitants. This image was formed over the centuries due to the intensive Russian-German contacts in the White Sea area, such as military campaigns (language traces, for example, were left by the war with Sweden during Peter the Great's time and by foreign interventions during the Civil war) and the closest trade and cultural relations established between the Russian Pomors and Scandinavians since ancient times. To reconstruct this image, the author analyses the North Russian dialect's common words and proper names derived from "German" ethnonyms and toponyms, as well as secondary ethnonyms (ethnic nicknames) denoting the representatives of the German peoples. An important source of material is unpublished data from the databases of the Toponymic Expedition of the Ural University and the Arkhangelsk Region Dictionary. Primarily, the present work investigates the vocabulary of three thematic groups: "Geographical space" (which characterizes the Pomors' perception of space as *Russian* in opposition to *German / Swedish / Norwegian*, gives examples of the Pomors' adoption of the German toponymy, etc.), "Man" (where designations of the representatives of the German peoples used in the Pomors' speech, as well as semantic derivatives from the ethnonyms *Swedish*, *Norwegian*, etc., are analyzed), "Material culture" (listing the names of everyday realities (clothes, tools, dwellings, etc., such as *Danish headscarf*, *Swedish axe*, *Norwegian spinning wheel*) as being German or being perceived as German). The article also considers the facts of xeno-nomination, i.e. lexical units that implement generalized ideas about the otherness of an object of reality. A comprehensive study of a block of vocabulary and phraseology containing an indication of "Germanic" in the internal form or semantics allows the author to propose and justify etymological solutions for a number of words (for example, *bishka* 'dry cookies,' *varezhki* 'mittens'). The article contains the author's observations on the mechanisms of interaction between real history, oral stories and linguistic facts; it reveals common features in the images of the representative of the German world and other "strangers" in the linguistic consciousness of the inhabitants of the Russian North.

Keywords: ethnolinguistics, onomastics, dialect vocabulary, motivational reconstruction, ethnonyms, xenonyms, Arkhangelsk dialects, White Sea, Russian North, Russian-German relations.

Acknowledgements

This work is supported by the Russian Science Foundation (project 17-18-01351 “Contact and Genetic Ties of North-Russian Vocabulary and Onomastics”). The author sincerely thanks I. B. Kachinskaya for her help in collecting the material and her valuable advice in the preparation of the article.

References

- Anikin A. E., *Russkiy etimologicheskii slovar* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow: Handwritten Monuments of Ancient Russia, 2007—, is. 1—. (In Russian).
- Aybabina E. A., ‘Semanticheskie derivaty etnonima *roch* “russkiy” v dialektakh komi yazyka’ [Semantic Derivatives of the Ethnonym *Roch* “Russian” in Dialects of the Komi Language], Bitkeeva A. N., Goryachev M. A. (eds.), *Yazykovoe edinstvo i yazykovoe raznoobrazie v polietnicheskom gosudarstve* [Linguistic Unity and Linguistic Diversity in a Multi-Ethnic State]. Moscow: Yazyki narodov mira, 2018, pp. 415–421. (In Russian).
- Berezovich E. L., *Yazyk i traditsionnaya kultura* [Language and Traditional Culture]. Moscow: Indrik, 2007, 600 pp. (In Russian).
- Berezovich E. L., *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: prostranstvo i chelovek* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect: Space and Man]. 2nd ed. Moscow: LIBROKOM, 2009, 328 pp. (In Russian).
- Berezovich E. L., *Russkaya leksika na obshcheslavlyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary on the General Slavic Background: A Semantic and Motivational Reconstruction]. Moscow: Russian Foundation for Education and Science, 2014, 488 pp. (In Russian).
- Berezovich E. L., Kabakova G. I., ‘Rossiya i Frantsiya: dialog yazykovykh stereotipov’ [Russian Federation and France: A Dialogue of Language Stereotypes], *Antropologicheskij forum*, 2015, no. 27, pp. 9–69. (In Russian).
- Bernshtam T. A., *Pomory: formirovanie gruppy i sistema khozyaystva* [Pomors: The Formation of the Group and the System of Economy]. Leningrad: Nauka, 1978, 173 pp. (In Russian).
- Bernshtam T. A., *Narodnaya kultura Pomorya* [The Folk Culture of Pomors]. Moscow: OGI, 2009, 432 pp. (In Russian).
- Bobunova M. A., Khrolenko A. T., ‘Klaster “Etnonimy: chuzhestannoe”’ [The Cluster “Ethnonyms: Foreign”], *Folklornaya leksikografiya* [Folklore Lexicography]. Kursk: Krasnoyarsk State Pedagogical University Press, 1997, is. 8, pp. 3–17. (In Russian).
- Brock I., ‘Moya-po-tvoya. Russko-norvezhskiy yazyk-pidzhin’ [Moya-po-tvoya. Russian-Norwegian Pidgin Language], *Ottar. Norvegiya i Rossiya na severe*, 1992, no. 192, pp. 24–28. (In Russian).

- Drannikova N. V., 'Solovki v ustnoy religioznoy proze zHITELEY goroda Arkhangel'ska' [Solovki in the Oral Religious Prose of Inhabitants of Arkhangel'sk], *Traditsionnaya kultura*, 2015, no. 4 (60), pp. 49–57. (In Russian).
- Fasmer M., *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Nauka, 1964–1973, is. 1–4. (In Russian).
- Hentschel G., Pryhodzič A., Pryhodzič M., Taranenko O., Krivko R., *Bibliographie zu deutschen Lehnwörtern im Weißrussischen, Ukrainischen und Russischen*. Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 2016, 62 SS.
- Ivashova N. M., *Zapadnoevropeyskie zaimstvovaniya v govorakh Russkogo Severa* [Western European Borrowings in Dialects of the Russian North]: Candidate's Dissertation. Yekaterinburg: Ural State University Press, 1999, 294 pp. (In Russian).
- Kop A. S. van der, 'K voprosu o gollandskikh terminakh po morskomu delu v russkom yazyke' [On the Question of Dutch Terms on Maritime Affairs in the Russian Language], *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk*, 1910, no. 15 (4), pp. 1–72. (In Russian).
- Koshkin I. S., *Russko-germanskije yazykovye kontakty v gramotakh Severo-Zapada Rusi XII–XV vv.* [Russian-German Language Contacts in Letters of the North-West of Russia of the 12th–15th Centuries]. St Petersburg: St Petersburg State University Press, 2008, 169 pp. (In Russian).
- Kotljarchuk A., *Shvedy ū gistoryi y kultury belarusau* [Swedes in History and Culture of Belarusians]. Minsk: Encyclopedics, 2002, 296 pp. (In Belarusian).
- Kozhinova A. A., Shcherbach I. M., 'Nekotorye problemy izucheniya zaimstvovaniy iz zapadnoevropeyskikh yazykov v russkikh dialektakh' [Some Problems in Study of Borrowings from Western European Languages in Russian Dialects], *Russian Linguistics*, 2005, no. 29/3, pp. 347–364. (In Russian).
- Lutovinova I. S., 'Sledy drevnikh russko-normannskikh yazykovykh kontaktov' [Traces of Ancient Russian-Norman Language Contacts], Gerd A. S., Puritskaya V. E. (eds.), *Severnorusskie govory* [North Russian Dialects]. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015, is. 14, pp. 14–21. (In Russian).
- Makarova A. A., Chekan K. O., 'Lokalnye gruppy naseleniya v svete onomasticheskikh dannyykh (na materiale kollektivnykh prozvischch)' [Local Population Groups in the Light of Onomastic Data (Based on Collective Nicknames)], *Zhivaya starina*, 2019, no. 3, in print. (In Russian).
- Minkin A., *Toponimy Murmana* [Murman Place Names]. Murmansk: Murmansk Publishing House, 1976, 208 pp. (In Russian).
- Mikhailov A., *Ocherki prirody i byta Belomorskogo kraya Rossii. Okhota v lesakh Arkhangel'skoy gubernii* [Essays on the Nature and Life of the White Sea Region of Russia. Hunting in Forests of Arkhangel'sk Province]. St Petersburg: Retger and Schneider Printing House, 1868, 278 pp. (In Russian).

- Mikhailova L. P., 'Lotsii Belogo morya 1930 g. kak istochnik izucheniya sistemy nominatsii obyektov Evropeyskogo Severa' [Sailing Directions for the White Sea in 1930 as a Source for Studying the System of Nomination of the Objects of the European North], Barandeev A. V. (ed.), *Aktualnye problemy toponimiki* [Actual Problems of Toponymy]. Moscow: Publishing House "Codex", 2018, pp. 135–143. (In Russian).
- Petkevich G. S., 'Zapadnyy mir v bylinakh: istoricheskaya pamyat i khudozhestvennyy vymysel' [The Western World in Epics: Historical Memory and Fiction], *Ryabininskie chteniya — 2011: materialy VI nauch. konf. po izucheniyu i aktualizatsii kulturnogo naslediya Russkogo Severa* [Ryabininskie chteniya — 2011: Materials of the 6th Scientific Conference on the Study and Actualization of the Cultural Heritage of the Russian North]. Petrozavodsk: The Kizhi State Historical, Architectural and Ethnographic Open-Air Museum, 2011, pp. 368–370. (In Russian).
- Popov S. V., 'Toponimiya Belogo morya' [Toponymy of the White Sea], *Voprosy toponimiki Podvinya i Pomorya* [Problems of Toponymic Studies of the Dvina and Pomorye Regions]. Arkhangelsk: Geographical Society of USSR, 1991, pp. 45–54. (In Russian).
- Shtyrkov S. A., *Predaniya ob inozemnom nashestvii: kretyanskiy narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoy Novgorodchiny)* [Legends about Foreign Invasion: Peasant Narrative and Mythology of Landscape (Based on Materials of the North-Eastern Novgorod Region)]. St Petersburg: Nauka, 2012, 228 pp. (In Russian).
- Tenhagen W., 'Russisch dial. *вандыш* — Bedeutung und Herkunft', Janyšková I., Karlíková H. (eds.), *Studia etymologica Brunensia 1*. Praha: Euroslavica, 2000, pp. 295–303.